

ПРИЗНАКИ БАНКРОТСТВА.

Всего только год прошел с того времени, как пуля Карповича, уложив Боголепова, очистила место «новому курсу» в области университетской политики правительства. В течение этого года мы последовательно наблюдали необыкновенный подъем общественного возмущения, необыкновенную ласковость тона в речах наших правителей, слишком обыкновенное, к сожалению, увлечение общества этими новыми речами, увлечение, охватившее и известную часть студенчества, и, наконец, вслед за осуществлением пышных обещаний Ванновского — новый взрыв студенческого протеста. Для тех, кто прошлой весной ожидал «новой эры» и серьезно верил, что царский фельдфебель осуществит хотя бы в малой дозе упования студентов и общества, — словом, для русских либералов должно быть теперь ясно, как неправы они были, лишний раз даровав правительству кредит, как мало было основания приостанавливать весной начавшее принимать внушительные формы движение в пользу реформы и дать себя убаюкать сладкими песнями правительственных сирен. После того, как нарушено было обещание вернуть в университеты всех пострадавших в прошлом году, после того, как рядом новых реакционных мер брошен вызов всем тем, кто требовал действительной реформы учебных порядков, после ряда новых кулачных расправ над демонстрантами, требовавшими от злостного банкротства исполнения данных им обязательств, — после всего этого правительство «сердечного попечения» публикует задуманные в видах «умиротворения» «временные правила» о студенческих организациях и... вместо «умиротворения» получает картину общего пожара «беспорядков», охватившего снова все учебные заведения.

Мы, революционеры, ни на минуту не поверили в серьезность обещанных Ванновским реформ. Мы не переставали твердить либералам, что циркуляры «сердечного» генерала и рескрипты Николая Обманова¹ представляют лишь новое проявление все той же либеральной политики, в которой самодержавие успело искуситься за 40-летний период борьбы с «внутренним врагом», т. е. со всеми прогрессивными элементами России. Мы предостерегали либералов от тех «бессмысленных мечтаний», которым они начали поддаваться после первых же шагов правительства в духе «нового курса», мы разоблачали всю заведомую лживость правительственных посулов и говорили обществу: если твой противник ошеломлен первым серьезным натиском, не уставай наносить ему новые удары, удваивай их силу и их частоту... Та карикатура на право организации, которая ныне преподнесена студентам «временными правилами», предсказывалась

революционерами с самого начала разговоров об этом новом подарке правительства. Мы знали, чего можно и должно ждать от самодержавия и его реформаторских потуг. Мы знали, что никого и ничего не «умиротворит» Ванновский, что никаких прогрессивных надежд он не удовлетворит и что «беспорядки» неизбежно возобновятся в той или другой форме.

Год прошел, и общество стоит у той же мертвой точки. Полагающиеся в благоустроенном государстве высшие учебные заведения снова отказываются функционировать. Снова десятки тысяч молодежи выбито из обычной колеи, и снова перед обществом поставлен тот же вопрос: «что же дальше?».

Значительное большинство студентов отказывается принимать «временные правила» и разрешенные ими организации. Профессора с большей, чем у них принято, определенностью выражают явное недовольство этим даром правительства. И, право, не нужно быть революционером, не нужно быть радикалом, чтобы признать, что такая, с позволения сказать, «реформа» не только не дает студентам чего-либо похожего на свободу, но и никуда не годна с точки зрения введения в университетскую жизнь какого-нибудь спокойствия. Да разве не ясно с первого взгляда на эти «временные правила», что ими заранее создается целый ряд поводов к столкновениям между студентами и властями? Разве не очевидно, что введение в жизнь этих правил грозит из каждой сходки, легально созванной по самому мирному поводу, сделать исходный пункт новых «беспорядков»? Можно ли сомневаться, например, что исполняющая полицейские функции инспекция своим председательством на сходках должна вечно раздражать одних, провоцировать на протест других, нагонять трепет и сковывать уста третьим? И разве не ясно, что русское студенчество не станет терпеть, чтобы содержание прений на этих сходках грубо определялось «усмотрением» начальства?

А, между тем, дарованное правительством «право» сходок и организаций в том нелепом виде, в каком оно создано «временными правилами», есть максимум того, что самодержавие может дать студентам, оставаясь самодержавием. Всякий дальнейший шаг в этом направлении означал бы самоубийственное нарушение того равновесия, на котором покоятся отношения власти к «подданным». Или примириться с этим возможным для правительства максимумом или усилить политический, революционный характер своего протеста, — вот дилемма, которую приходится решать студентам. И большинство их принимает второе решение. Резче, чем когда-либо прежде, звучит в студенческих воззваниях и резолюциях революционная нота. Политика чередования зверских расправ и иудиных поцелуев делает свое дело и революционизирует студенческую массу.

Да, студенты так или иначе порешили поставленный перед ними вопрос и заявили, что отложенное в сторону (под влиянием убаюкивающих песен) оружие они снова готовы взять в руки. Но что же намерено делать общество, которое успело, поди, вздремнуть под звуки этих предательских песен? Отчего оно продолжает молчать и «втихомолку сочувствовать»? Отчего ничего не слышно об его протестах, об его активной поддержке возобновившихся волнений? Неужели оно готово «спокойно» ждать наступления тех неизбежных трагических явлений, которыми до сих пор сопровождалось всякое студенческое движение? Неужели оно думает ограничиться жалкою ролью счетчика жертв борьбы и пассивного зрителя ее потрясающих картин? Отчего не слышно голоса «отцов» в то время, когда «дети» недвусмысленно заявили свое намерение принести новые жертвы на алтарь русской свободы? Отчего наше общество не поддерживает студентов хотя бы так, как их уже поддерживали рабочие? Ведь не их, не пролетариев, сыновья и братья обучаются в высших учебных заведениях, а между тем рабочие и в Киеве, и в Харькове, и в Екатеринославе уже заявили открыто свое сочувствие протестантам, не взирая на ряд «предупредительных мер» полицейских властей, несмотря на их угрозы пустить в ход против демонстрантов вооруженную силу. Неужели это проявление революционного идеализма русского пролетариата не повлияет на поведение общества, кровно и непосредственно заинтересованного в судьбе студентов, и не подвинет его на энергичный протест?

Студенческие «беспорядки» этого года начинаются при довольно благоприятных предзнаменованиях. Сочувствие «толпы», «улицы» им обеспечено. Было бы преступной ошибкой со стороны либерального общества, если б оно не приложило всех усилий для того, чтобы свое время оказанной студентам поддержкой деморализовать окончательно правительство и вынудить у него действительные уступки.

Ближайшее будущее покажет, насколько наше либеральное общество способно к такой роли. От решения этого вопроса зависит в значительной степени исход нынешнего студенческого движения. Но каков бы ни был этот исход, одно остается несомненным: возобновление общестуденческих беспорядков после столь короткого периода спокойствия является признаком политического банкротства современного строя. В течение трех лет университетская жизнь не может войти в колею, учебные занятия ведутся урывками, одно из колес государственного механизма перестает действовать и, беспомощно повертевшись некоторое время, снова надолго останавливается. И не может быть теперь никакого сомнения в том, что в пределах современного политического режима нет средств для радикального исцеления этого недуга. Покойник Боголепов попытался спасти отечество «героическим» средством, заимствованным из арсенала допотопной, Николаевской, медицины. Известно, что вышло из применения этого средства. Очевидно, что в этом направлении дальше идти нельзя. Теперь потерпела фиаско политика заигрывания со студентами. А, ведь, кроме насилия и заигрывания третьего пути нет. И каждое новое проявление этого несомненного банкротства современного режима будет все глубже и глубже подтачивать его основы, лишая правительство в глазах

индифферентных обывателей всякого авторитета, умножая число лиц, сознающих необходимость борьбы с ним.

Да, банкротство самодержавия несомненно, и оно спешит сообщить о нем всему миру. Разве не объявлением о банкротстве является провозглашение «усиленной охраны» в доброй трети империи и одновременное выступление местных властей во всех концах России с «обязательными постановлениями», воспрещающими под угрозой усиленных наказаний поступки, и без того неразрешенные русскими законами? По самому существу своему всякие исключительные правила, отменяющие действие общих законов, предполагаются действующими в ограниченных пределах времени и места. Предполагается, что чрезвычайные условия требуют временного применения в определенной местности чрезвычайных мер для того, чтобы водворить то нарушенное равновесие, при котором возможно беспрепятственное действие общих законов. Таково рассуждение представителей современного режима. Вот уже 20 слишком лет, как введено положение об усиленной охране. 20 лет действия его в главных центрах империи не повели к «умиротворению» страны, к восстановлению общественного порядка. После 20 лет применения этого сильно действующего средства оказывается, что болезнь «неблагонадежности», для борьбы с которой создано оно, распространилась так далеко и пустила такие глубокие корни, что применение его необходимо распространить на все сколько-нибудь значительные города и фабричные центры! Это ли не банкротство, открыто заявляемое самим банкротом? Убежденные защитники современного строя (такие, несомненно, имеются) должны с ужасом думать о том, как население понемногу привыкает к этому сильно действующему средству и становится нечувствительным к вспыскиваниям новых доз его.

А в то же время, уже помимо воли правительства, выясняется банкротство его экономической политики. Хищническое хозяйство самодержавия покоилось на чудовищной эксплуатации крестьянства. Это хозяйство предполагало, как неизбежное последствие, повторяющиеся от времени до времени голодовки крестьян той или иной местности. В эти моменты хищник-государство пробовало парадировать перед населением в светлой роли заботливого кормильца им же обобранного народа. С 1891 г. голодовки стали гигантскими по количеству жертв, а с 1897 г. почти непрерывно следующими одна за другой. В 1892 г. Толстой с ядовитой насмешкой говорил о том, что «паразит собирается накормить то растение, соками которого он питается». Это была, действительно, нелепая идея. Нынче времена переменялись, и с превращением голодовки в нормальное состояние деревни наш паразит не столько носится с утопической мыслью накормить ограбленное крестьянство, сколько объявляет самую эту мысль государственным преступлением. Цель достигнута — нынешний грандиозный голод проходит при необычайной даже у нас обстановке гробового молчания. Не слышно стонов голодающих крестьян, нет попытки общественной инициативы в борьбе с голодом, газеты молчат о том, что делается в деревне. Завидное молчание, но не чувствуют ли гг. Сипягины, что это спокойствие чрезвычайно напоминает затишье перед грозой?

Государственный строй, искони державшийся на пассивной поддержке миллионов крестьянства, привел последнее к такому состоянию, при котором оно из года в год оказывается не в состоянии прокормиться. Это социальное банкротство монархии гг. Обмановых не менее поучительно, чем ее политическое банкротство.

Когда же наступит ликвидация дел нашего злостного банкрота? Долго ли еще ему удастся жить изо дня в день, заплатывая дыры в своем политическом и финансовом бюджете кожей с живого тела народного организма? От многих факторов будет зависеть большая или меньшая продолжительность отсрочки, которую даст история нашему банкроту; но одним из важнейших будет та степень революционной активности, которую проявят люди, сознавшие полное банкротство современного режима. Его разложение подвинулось очень далеко, оно значительно опередило политическую мобилизацию тех общественных элементов, которым приходится быть его могильщиками. Эта политическая мобилизация всего вернее будет совершена революционной социал-демократией, которая одна будет в силах нанести самодержавию смертельный удар. Новая схватка студентов с правительством дает нам возможность и возлагает на нас обязанность ускорить это дело мобилизации всех общественных сил, враждебных самодержавию. В политической жизни месяцы военного времени зачисляются историей за годы. А время, переживаемое нами, действительно — военное время.

[Л. Мартов]

ИЗ

НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

МАРТИРОЛОГ «СЕРДЕЧНОГО ПОПЕЧЕНИЯ».

«Нижегородское землячество постановило опубликовать во всеобщее сведение список студентов и курсисток нижегородцев, до сих пор невозвращенных в учебные заведения. Общее число арестованных и невозвращенных в учебные заведения 52. Из них в самом Н.-Новгороде находится теперь 40 чел.

Московский университет. Б. и В. Морковины и С. Корсак — под следствием; Затынчиков, Моисеев Б. — 2 г. высылки (в настоящее время арестованы); Моисеев С. (арест.), Сыпин — 2 г. выс.; Пятакин — 1 г. выс.; Грацианов — под следствием; Галонен — 1 г. выс.

Томский универс. Знаменский и Виноградов — исключены; Старокотлицкий, Паршин, Александров, Малиновский и Агарев — уволены без права поступления в Томский ун. и до сих пор не приняты.

Юрьевский ун. Лепорский, Успенский, Мякишев, Лепорский 2-ой — уволены до 20 янв. 1902 г.

Моск. технол. учил. Ветчинкин — 2 г. высылки.

Киев. политех. Коварский — под следствием.

Томский технич. инст. Колосов (арест.) — 2 г. высылки.

Казанск. ветер. инст. Рюриков — под следствием.

Спб. технол. инст. Чарушин — 2 г. выс.

Яросл. лицей. Смирнов — 2 г. выс.

Моск. акуш. курсы. Подсосова, Пиничевская, Ярошевская и Краснова — 2 г. гл. надз.; Кислова, Рюрикова, Ленинова — 1 г. выс.; Владимирская — под следствием.

Спб. курсы Лесгафта. Комарова — 1 г. гл. надзора. Добролюбовская и Косарева — 1 г. выс.; Малиновская — п. следствием; М. и В. Гайкович — 1 г. выс.

Бестужевск. курсы. С. Малиновская, Доброхотовы, А. и С. и Кольберг — 1 г. гл. надзора.

Медичка Богушевская — 1 г. выс.

Гигиен. курсы. Симонова — 1 г. выс.

Ф. Гусева (бест., выслана осенью 1900 г.) — 3 г. выс.

Ел. Грацианова, Игнатичева и Румянцева — 1 г. высылки.

За движение 1899 г. до сих пор не возвращены:

Спб. унив. Елпатьевский — 3 г. выс.

Моск. унив. Яровицкий — 3 г. выс.

Предлагаем другим землячествам также опубликовать список известных им невозвращенных товарищей.

10 января 1902 г. Нижегородское землячество».

Что скажет г. Ванновский в ответ на это разоблачение лживости обещаний, данных правительством?

СТУДЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ.

«Временные правила» о студенческих организациях, как и следовало ожидать, никого не могли удовлетворить. Вместо свободы организоваться хотя бы только на почве студенческих дел, студенты получили жалкое «право» устраивать сходки под наблюдением и председательством лица, назначенного правлением университета (при чем это лицо не должно быть непременно профессором, а может принадлежать и к ненавистной инспекции), сходки, которые могут обсуждать только вопросы, разрешенные правлением, и могут распускаться председательствующим полицейским... то-бишь, наблюдателем. Курсовые старосты не выбираются студентами, а назначаются начальством из числа кандидатов, выбранных студентами. Значительная часть студентов (первый семестр) вовсе лишены права организаций и сходов. Если к этому прибавить, что выставленные студентами требования свободного доступа в университет всех, без различия национальности, вовсе не были удовлетворены и что побоища в Харькове и Екатеринославе слишком явно говорили об общем духе «попечения», то не будет удивительным, что после рождественских капикул так наз. «студенческие беспорядки» возобновились.

Приводим сообщение из Киева:

21 января в политехническом институте была сходка. Было признано действительным постановление сходки 5 декабря. Директор Кирпичев сообщил, что действие «временных правил» распространяется и на институт, т. е. что им получены от Вите соответствующие «временные правила». Он сообщил объявление, которое на следующий день раздавалось студентам университета. Это «предварительное» объявление студентам говорит, что попечитель имеет право закрыть в случае беспорядков высшее учебное заведение, и если занятий в общей сложности не будет в продолжение 4-х недель (а в специальных учебных заведениях трех), то все студенты высших, начиная со второго курса, оставляются на второй год, а студенты первого курса увольняются и принимаются вновь наравне с вновь поступающими, стало-быть, в специальных учебн. завед. подвергаются испытаниям; в университете же, на многолетних курсах, где было бы недостаточно места для приема всех (и новичков и старых), — по конкурсу аттестатов. Второй параграф «предварительного» объявления разрешает, когда занятия прекращены во всем учебном заведении, отдельным курсам подавать прошения о разрешении им заниматься. Нечего говорить, что это объявление вызвало негодование студентов. Следует еще заметить, что согласно «временным правилам», выданным студентам института, им не разрешаются общие сходки, которые раньше разрешались.

По желанию студентов, Кирпичев телеграммой просил Вите закрыть институт. Получилась в ответ телеграмма, в которой Вите выражает сожаление, что студенты института подали пример беспорядков, надеется, что они еще «поддержат честь» института, и дает им трехнедельный срок. Всю эту неделю занятий в институте не было. Огромное большинство профессоров не читало лекций. К тем немногим, которые пробовали читать (в их числе Коновалов), была применена обструкция.

В Киевском университете была созвана Союзным Советом общая сходка на 24-е. Прошла она довольно плохо. Оппозиция была сильная. В середине обсуждений человек 30 покинуло аудиторию и устроило вторую сходку в соседней аудитории. Но, кроме них, было и в числе оставшихся много против забастовки. В результате почти пятичасового обсуждения были приняты следующие две резолюции:

«Мы, студенты Киевского университета, собравшись на сходку 24 января, постановили:

«1) Выразить свое презрение министру нар. просвещения, бросившему студенчеству гнусную подачку в форме „временных правил“ от 22 ноября 1901 г. Мы признаем, что „временные правила“ не только не вносят в студенческую жизнь никаких улучшений, но отнимают и опутывают целой сетью все то, чего студенчеству удалось уже добиться путем долгой и упорной борьбы. Мы остаемся при прежней уверенности, что правильное течение университетской жизни возможно только при широкой автономии университетов и устранении из сферы университетской жизни жандармско-полицейских тенденций. Поэтому мы отказываемся принять „временные правила“, удовлетворяющие скорее требованиям усовершенствованного сыска, чем нашим насущнейшим потребностям, нашим требованиям. 2) После того, как сама жизнь указала единственный возможный путь для достижения наших заветных целей — путь борьбы; после того, как министерство и правительство окончательно дискредитировали себя своими невыполненными обещаниями или лицемерной политикой; после речей генерала Ванновского в Москве, после массового увольнения и избиения наших харьковских товарищей, после екатеринославской бойни; после опубликования позорной „конституции“ Ванновского, окончательно игнорирующей наши долготлетние требования, — нам остается только начать борьбу. С сегодняшнего дня объявляем Киевский университет закрытым; с завтрашнего — 25 января — начинаем забастовку, которая будет продолжаться, пока все наши требования не будут удовлетворены.

«Мы требуем: 1) широкой автономии университетов; 2) приема в университеты всех лиц, окончивших средние учебные заведения без различия пола и национальности; 3) приема в университеты всех пострадавших товарищей как нашего университета, так и других высших учебных заведений».

Между тем, раньше было объявлено, что 25, 26, 28, 29-го будут происходить курсовые собрания в присутствии избранной Советом комиссии, в которую входят по три профессора на каждый курс. Накануне сходки член комиссии, проф. Морозов, объявлял на всех курсах медицинского факультета, а некоторые другие профессора на других курсах, что ни Совет ни комиссия не принимают и не могут принять «временных правил» в их теперешнем виде; особенно не могут они примириться с §§ 6 и 8, приказывающими профессорам, назначенным начальством, присутствовать на курсовых собраниях и доносить начальнику заведения о нарушениях порядка, уклонении от утвержденных начальником вопросов, подлежащих обсуждению. Совет, по словам членов комиссии, уже решил ходатайствовать об изменении этих пунктов, и комиссия будет являться на курсы не для того, чтобы вводить «временные правила», а для того, чтобы студенты тоже могли их обсудить, и таким образом к голосу профессоров присоединится голос студентов. Несмотря на это, в тот же день медики 4 и 5 курса значительным абсолютным большинством приняли резолюцию, вполне отвергающую «временные правила». В ней они высказываются против собраний при комиссии и переизбора или только утверждения старост.

В день сходки было вывешено объявление о том, что постановлено ходатайствовать об изменении §§ 6 и 8. По просьбе проф. Трубецкого (член комиссии), ему было разрешено говорить на сходке. В длинной речи он сказал, как смотрит на свою задачу. Он указал опять-таки на то, что нет и речи о принятии «временных правил» во всем их объеме; что ректор решил утверждать старостой только того, кто получит наибольшее число голосов; что от полицейских обязанностей профессора откажутся; что студенты не должны считать комиссию своим врагом; что он хотел бы вместе со студентами работать, чтобы сообщая ходатайствовать об изменениях; что он будет оставаться профессором лишь до тех пор, пока будет надеяться, что ему удастся хоть что-нибудь в пользу студентов, и проч. Речь профессора была встречена рукоплесканиями, но затем один оратор его основательно разбил.

25-го не было лекций. Как и в институте, оппозиция довольно сильна. На каждом курсе есть некоторое число студентов, желающих слушать лекции и принять комиссию. Лишь путем упорной борьбы был проведен ряд решений по курсам: бастовать, не производить выборов старост и не представлять на утверждение старых.

ФЕЛЬЕТОН

ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РОССИИ.

Под этим общим заглавием мы намерены периодически помещать, по мере накопления материала, статьи и заметки, посвященные характеристике, с марксистской точки зрения, всех сторон экономической жизни и экономического развития России. Теперь, когда «Искра» начала выходить два раза в месяц, недостаток такого отдела чувствуется особенно сильно. Но мы должны при этом обратить серьезнейшее внимание всех товарищей и сочувствующих нашим изданиям лиц на то, что ведение (сколько-нибудь правильное) этого отдела требует особенно богатого материала, а редакция наша поставлена в этом отношении в исключительно неблагоприятные условия. Легальный писатель и представить себе не может, о какие иногда элементарнейшие препятствия разбиваются намерения и стремления писателя «подпольного». Не забывайте же, господа, что мы не можем отправиться в Императорскую Публичную Библиотеку, где к услугам журналиста имеются десятки и сотни специальных изданий и местных

газет. А ведь материал для экономического отдела, сколько-нибудь приличествующего «газете», т. е. сколько-нибудь живого, злободневного, интересующего и читателя и писателя, — такой материал разбросан именно по мелким местным газеткам и специальным изданиям, из которых большая часть либо недоступна по цене, либо вовсе не поступает в продажу (издания правительственные, земские, медицинские и т. п.). Поэтому сколько-нибудь правильная постановка экономического отдела возможна исключительно при том условии, если все читатели нелегальной газеты будут поступать сообразно правилу: «с миру по нитке — голому рубашка». И, преодолевая ложный стыд, редакция «Искры» должна сознаться, что она в этом отношении ходит почтительно совсем голая. Мы уверены, что масса наших читателей имеет возможность следить и на самом деле следит «для себя» за самыми разнообразными специальными и местными изданиями. Только тогда, когда каждый такой читатель каждый раз, когда он встретит интересный материал, будет задавать себе вопрос: а есть ли этот материал в редакции нашей газеты? Что я сделал для того, чтобы ознакомить ее с этим материалом? Только тогда мы добьемся того, чтобы все выдающиеся явления в экономической жизни России оценивались не

Филологи составили исключение: на факультетском собрании они постановили принять «временные правила».

Большинство профессоров при первом требовании прервало лекции. Флоринского, которому не могут простить его участия в комиссии, сдававшей в прошлом году в солдаты, обструкционисты прогнали свистками и ругательствами. Эйхельман заперся в аудитории с 8 слушателями. Взломали дверь и выгнали его. Забастовка вряд ли долго продержится. Самое лучшее, если закроют университет.

После сходки группа студентов чел. 100 или больше сожгли с пением перед университетом экземпляры «временных правил». Проф. кн. Трубецкой в знак протеста против «временных правил» вышел в отставку.

В Петербурге отношение студентов к «временным правилам» столь же определенное. Избранные студентами Спб. университета еще в ноябре курсовые старосты должны были демонстративно сложить с себя должность, так как получили отказ на свое предложение созвать общую сходку для обсуждения новых правил. Из 43 старост 33 подписали мотивированную резолюцию о своем отказе. Таким образом само начальство постаралось тотчас же показать сомневающимся еще студентам, как «свободны» дарованные им организации.

От выборов новых старост почти все курсы отказались. 5 февраля состоялась («незаконная») общая сходка, на которой 1063 голосами против 5 при 26 воздержавшихся принята резолюция, требующая «свободы слова, гарантируемой личной неприкосновенностью», и полной свободы студенческих организаций. 668 голосами против 118, при 72 воздержавшихся, принято решение объявить забастовку. В технологическом институте студенты отказались принять «временные правила». На выборы по приглашению начальства из 1.200 студентов явилось только 200. В лесном институте на сходке 330 чел. (из 500 общего числа) отказ от «временных правил» решен единогласно. В электротехническом институте проведено то же решение. В военно-медицинской академии сходка, в числе 255 чел., протестовала против учрежденных недавно «лагерных сборов» для студентов — мера, расхваленная «Нов. Врем.» и продиктованная стремлением дать будущим врачам «военную выправку». Медики решили в случае, если требование об отмене этих сборов не будет уважено, начать забастовку. 15 участни-

ков сходки исключены из академии, другие отделались выговором и арестом.

1 февраля в институте путей сообщения большинством 196 голосов против 19 принята следующая резолюция:

«1) События на юге России представляют собою новый акт насилия над студенчеством; 2) „временные правила“ не выдерживают критики, как проект студенческих организаций, и представляют из себя попытку увлечь студенчество на путь позорных компромиссов; 3) обещания возвратить пострадавших товарищей не выполнены; 4) из этого следует, что не только не устранены причины прежних движений, но есть поводы, достаточные для возобновления движения в Спб.; 5) в виду этого группа студентов института путей сообщения призывает петербургское студенчество к борьбе за общественные принципы прежних движений: I. неприкосновенность личности и II. свобода слова и организации, требуя при этом возвращения всех пострадавших товарищей».

6 февраля студенты горного института приняли ряд аналогичных требований большинством 237 против 87 гол.

В Риге в январе за участие в беспорядках исключено из политехникума 16 студентов, из них 5 без права поступления в какие-либо учебные заведения. 7 января сходка постановила отвергнуть «временные правила» и начать забастовку с применением обструкции. Вскоре в одной аудитории применили «химическую обструкцию»: разбили о потолок склянки с сероводородом; лекции прекратились.

В Харькове бастует ветеринарный институт.

Томские студенты отказались от «временных правил» большинством 222 голосов против 52. Здесь во главе движения стоит «Студенческий центральный революционный кружок». В его прокламациях энергично проводится необходимость слить студенческое движение с общей борьбой за политическую свободу и указывается на пролетариат, как на главного борца за нее. Комитет сибирского соц. дем. союза обратился с воззванием к студентам, и центральный студенческий кружок в ответной прокламации выразил солидарность передового студенчества с пролетариатом.

Вообще, политическое и революционное настроение заметно берет верх в студенческом движении над умеренно-

только с точки зрения казенного, ново-временского, виттевского славословия, не только ради традиционного либерально-народнического нытья, а и с точки зрения революционной социал-демократии.

Ну, а теперь, — после этого нелиберального нытья, — теперь перейдем к делу.

I. Сберегательные кассы.

Сберегательные кассы — один из самых излюбленных в последнее время поводов для славословия. Только этим пользуется не одно виттевское, а также и «критическое» славословие. Давиды² и Герцы³, Черновы⁴ и Булаковы⁵, Прокоповичи⁶ и Тотомианцы⁷, одним словом, все сторонники модной «критики марксизма» (не говоря уже о солидных профессорах, Каблуковых⁸ и Карышевых⁹) на разные лады и голоса зывают: «Толкуют эти ортодоксы о концентрации капитала! Да вот одни уже сберегательные кассы показывают нам децентрализацию капитала. Толкуют о росте нищеты! А на самом деле мы видим рост мелких народных сбережений».

Возьмем присланные нам одним добрым человеком официальные данные о русских сберегательных кассах

в 1899 г. и присмотримся к ним поближе. Всего в России было в 1899 г. 4.781 государственная сберегательная касса, в том числе 3.718 почтово-телеграфных и 84 фабрично-заводских кассы. За пять лет (с 1895 по 1899 г.) число касс возросло на 1.189, т. е. на треть. Число вкладчиков за то же время поднялось с 1.664 тыс. до 3.145 тыс., т. е. на полтора почти милл. (на 89%), сумма денежных вкладов с 330 милл. руб. до 608 милл. руб., т. е. на 278 милл. руб. или на 84%. Итак, повидимому, гигантский рост «народных сбережений»?

Но вот какое обстоятельство бросается при этом в глаза. Из литературы о сберегательных кассах известно, что за 80-е годы и начало 90-х всего быстрее шло возрастание суммы вкладов в голодные годы, 1891 и 1892. Это — с одной стороны. А с другой — мы знаем, что за весь этот период вообще, за 80-е и 90-е годы, вместе взятые, наряду с ростом «народных сбережений» шел поразительно быстрый и острый процесс обнищания, разорения и голодания крестьянства. Чтобы понять, как могут совмещаться эти противоречивые явления, надо только припомнить, что самую главную особенность экономической жизни России за указанный период представляет рост денежного хозяйства.

академическим. В Спб. во главе движения стоит «касса радикалов», объявляющая себя соц.-дем. группой. Политика обманов, проводимая министерством Ванновского, заметно революционизировала «левую» часть студенчества. Соответственно этому, «правая» сторона пытается более резко, чем всегда, проявить свою вражду к движению. Известно, что в Харькове она дошла до ходатайства перед ректором об удалении студентов-евреев, как винсвников беспорядков. На одном из курсов Харьковского университета старостой был избран еврей. Реакционное меньшинство отказалось признать его старостой и бойкотом добилось того, что он отказался от должности. Эти реакционные замашки опираются, главным образом, на студентов 1-го курса, — печальное свидетельство разврата, который сеет наша средняя школа. В Спб. «правая» сторона составляла список всех «неблагонамеренных» студентов, чтобы представить его начальству и просить удалить их для ограждения спокойствия в университете. Начальство, конечно, благосклонно отнеслось к этой попытке. В проскрипционный список было занесено 120 имен, но что с ним стало, — неизвестно.

В заключение отметим, что профессора повсюду выражают недовольство теми правилами об организациях, которыми Ванновский думал «успокоить» студентов.

ДЕМОНСТРАЦИЯ В КИЕВЕ.

3 февраля.

Пишу под свежим впечатлением виденного. Это было только вчера, и уличная картина ярко рисуется у меня перед глазами.

Дня за три до второго февраля по городу распространялись листки от Комитета Соц.-Дем. Рабочей Партии и от Комитета социалистов-революционеров. Листки призывали к демонстрации на Крещатике в 12 час. 2 февраля. Я явился на Крещатик ранее 12 час. Вся правая сторона Крещатика (обычное место прогулки киевлян) от Прорезной до Фундуклеевской была покрыта тесной толпой публики. Значительно реже двигалась толпа от Прорезной до думы и от Фундуклеевской до Бибикова бульвара. На противоположной стороне Крещатика, как и обыкновенно, народу было гораздо меньше. Вдоль края

тротуара, с обеих сторон Крещатика, вытянулась цепь городских, каждый шагов на 30 друг от друга, вперемежку с квартальными. Главные силы полицейских чинов сосредоточились около гостиницы Бель-Вю и за почтой около двора № 22, где, как после я узнал, был скрыт отряд казаков с полсотни и пехоты не более роты. Гулявшая публика, повидимому, чего-то поджидала. Левая сторона Крещатика все гуще и гуще покрывалась самой разнообразной публикой, хотя вообще преобладала молодежь разных званий и состояний. Приблизительно в час дня с правой стороны Крещатика почти против Лютеранской улицы и недалеко от гостиницы Бель-Вю отделилась кучка в несколько человек и выступила на улицу. К очутившимся вне тротуара присоединилось еще несколько чел., в общем всего было чел. 25—30. Кто-то из них развернул красное знамя с надписью серебряными буквами: «Долой самодержавие!» и крикнул: «Долой самодержавие!» Толпа, бывшая на тротуаре, громко закричала ура. На кучку демонстрантов почти моментально налетели квартальные и конные городские. Пристав, кажется известный мерзавец Закушилов, схватил знамя. На него посыпались удары палками, а демонстрантов стали хлестать нагайками конные городские. Приставу здорово досталось, после он и не показывался, а знамя все-таки у него осталось. Утратили одно знамя демонстранты, развернули другое такое же и с надписью. Кое-кто говорит, что на другом была надпись: «Восьмичасовой рабочий день!» Второе знамя также быстро было отнято. Силы демонстрантов не подкреплялись. На тротуарах только кричали ура и как будто напирали, чтобы вытеснить публику за тротуар на улицу. Это мало помогало. Демонстрантов скоро смяли и окружили и загнали в ближайшие ворота. Думаю, что было не более 15—30 чел. А потом принялись преследовать близстоявшую публику. Били нагайками, палками (квартальные), шашками в ножах. Я видел, как ножны разлетались на части. Вся борьба с демонстрантами у знамени продолжалась очень недолго, минуты две, много три. Неподалеку от этого места у так называемого пассажи полиция тоже набросилась на толпу. Самой расправы я не видел, но видел, как с того приблизительно пункта студенты-политехники несли избитого до потери сознания своего товарища Вячеслава (?) Вольского. Впереди шел квартальный. Несшие говорили, что Вольский убит. Потом мне пришлось слышать, что он пришел в себя, но останется ли он жив, не

Увеличение же вкладов в сберегательные кассы указывает само по себе вовсе не на рост «народных» сбережений вообще, а лишь на рост (иногда даже только на стягиванье в центральные учреждения) денежных «сбережений». В крестьянстве, напр., при переходе от натурального хозяйства к денежному, вполне возможно увеличение денежных сбережений при уменьшении всей суммы «народных» сбережений. Крестьянин старого закала держал свои сбережения в кубышке, когда это были сбережения денежные, а большею частью эти сбережения состояли из хлеба, кормов, холста, дров и т. п. предметов «в натуре». Теперь у разоренного и разоряемого крестьянина нет ни натуральных ни денежных сбережений, а у ничтожного меньшинства богатеев крестьян скапливаются денежные сбережения и начинают попадать в государственные сберегательные кассы. Таким образом, вполне объясним наряду с ростом голодовок рост вкладов, знаменующий не повышение народного благосостояния, а вытеснение старого, самостоятельного крестьянина новой сельской буржуазией, т. е. зажиточными мужичками, которые не могут вести хозяйство без найма батраков или поденщиков.

Интересным косвенным подтверждением сказанного являются данные о распределении вкладчиков по роду

занятий. Данные эти относятся к владельцам почти 3-х милл. (2.942 тыс.) книжек с суммой вкладов в 545 милл. руб. Средний вклад оказывается равным 185 руб. — как видите, сумма, ясно указывающая на преобладание среди вкладчиков тех, составляющих ничтожное меньшинство русского народа «счастливец», которые имеют родовое или благоприобретенное имущество. Самые крупные вкладчики — духовенство: 46 м. р. по 137 т. книжек, т. е. по 333 р. на книжку. Попечение о спасении души паствы — дело, должно быть, небезвыгодное... Затем землевладельцы: 9 м. р. на 36 т. кн., т. е. по 268 р. на кн.; далее — торговцы: 59 м. р. на 268 т. кн., т. е. по 222 р. на кн.; потом офицера — по 219 р. на кн., гражданские чиновники — по 202 р. Лишь на шестом месте стоит «земледелие и сельские промыслы»: 640 т. кн. на сумму 126 м. р., т. е. по 197 р. на кн.; затем «занятия на частной службе» — по 196 р.; «прочие занятия» — по 186 р.; городские промыслы — по 159 р.; «услужение» — по 143 р.; работа на фабриках и заводах — по 136 р. и на последнем месте «нижние воинские чины» — по 86 р.

Итак, фабрично-заводские рабочие занимают, в сущности, последнее место по размеру сбережений (не считая солдат, содержимых казной)! Даже прислуга

знаю. Полицейские разошлись. Публика продолжала оставаться на Крещатике. Через некоторое время появился отряд пехоты и остановился на углу Крещатика и Фундуклеевской. Вскоре показался фургон военного лазарета: видно, власти рассчитывали, что бойня будет изрядная. Прискакали казаки, а потом подехал и генерал Трепов. На средину улицы старались никого не пропускать, а с Крещатика на Фундуклеевскую преградили путь солдаты. Казаки маленькими кучками выезжали на тротуар и сообщали публике движение в ту или другую сторону. Останавливаться воспрещалось. Молчаливо-выжидательное настроение продолжалось с полчаса. Пехоту почему-то передвинули с угла Крещатика и Бибиковского бульвара. Казаки стали гарцовать по Крещатику. Большое количество публики потянулось вверх по Фундуклеевской. Говорят, около этого времени была большая свалка на Прорезной и на Ново-Елизаветинской. Я проехал по всему Крещатику и везде видел только массы дворянско-публики. Пропать народу виднелась на Прорезной, Фундуклеевской и Бибики. бульв. Часа в два, стоя на углу Бибики, бульвара и Крещатика, я слышал отдаленные звуки ура и пошел по Бибиковскому бульвару. Громадные толпы публики стояли с обеих сторон собственно бульвара, вытянувшись, главным образом, по Владимирской. По Владимирской же ул. вдоль стены университета и почти до здания военного окружного суда двигалась группа демонстрантов чел. в 200. Тут были, главным образом, рабочие, но много и студентов. Кое-кто из демонстрантов выкрикивал: «Долой самодержавие!» или «Да здравствует свобода!», а окружающие подхватывали громко криками ура. Начинали петь, но довольно нескладно: «Смело друзья!» Раз только удалось услышать пропетыми два куплета под-ряд. Демонстранты и публика появились тут часа в два и начали движение от угла Шулявской и Владимирской. Властей не было никаких: говорить и петь никто не мешал. Только часам к трем появились казаки, потом Трепов, а потом пехота. Производились аресты отдельных личностей. Тут же в присутствии Трепова казак, сидя на лошади, схватил за воротник рабочего, приподнял его и отъехал с тротуара, нанося удары нагайкой, и другие казаки стали его лупить. Другой рабочий почему-то не понравился Трепову, и тот крикнул: «Взять его!»; рабочий пытался было убежать, но его поймали и принялись бить нагайками. В это же почти время избили студента. Толпу стали оттеснять на Владимирскую

по направлению к городскому театру. Было между 3 и 4. Масса публики стояла справа и слева по Влад. и возле театра. Тут демонстрация приняла характер спорадический. В собравшейся толпе кто-нибудь крикнет: «Долой самодержавие!», толпа ответит громким ура. Казаки пускают своих лошадей в атаку и хлещут нагайками, кого попало. Побьют, иногда попутно поволокут кого-нибудь и разедутся. Рассеявшая толпа опять соединится, опять где-нибудь послышится ура или звуки: «Смело, друзья!», и казаки с верховыми городскими снова приступают к исполнению своих обязанностей. Пока двери театра не были заперты, убежавшие от казацких нагаек могли прятаться в театр, но по окончании спектакля вскоре все двери были заперты, и пришлось лишиться такого хорошего убежища. Я ушел в половине пятого, вернулся после половины шестого. Демонстрация носила все тот же характер. Казаки и верховые городские то налетали, то отступали. Главная масса публики и рассыпанные между ней демонстранты отодвинулись от театра по Фундуклеевской до Нестеровской. Около театра ходили власти — полицмейстер, несколько приставов и казачий офицер в высокой шапке и от поры до времени давали приказания то нападать, то отступать. Между 6 и 6½ час. я был на Крещатике. Там народу было много, но тревожного элемента не было заметно. В 11 час. ночи Фундуклеевская носила обычный характер, и даже более: движение было значительно меньше, чем обыкновенно. Число всех присутствовавших около театра можно определить тысяч в десять.

Демонстрацию вряд ли можно считать удачной. Заметна была недостаточность предварительной организационной подготовки. В противном случае, принимая громадные размеры публики и сравнительно ничтожные полиция, едва ли так скоро были бы уничтожены знамена и смяты выступившие демонстранты. Редко случается такое счастливое совпадение внешних условий: хорошая погода и масса публики. — К счастью, у властей тоже не было, повидимому, определенного плана действий. Массовых арестов не видал, хотя, по слухам, они были. Я постарался записать все то, что мне лично пришлось видеть.

В другом письме о демонстрации сообщается:

Сегодня, 2 февраля, на Крещатике, около часу дня, по данному сигналу (на углу Прорезной и Крещатика) образовалась посреди улицы толпа студентов универси-

имеет более высокий в среднем размер сбережений (143 р. на кн. против 136 р.) и дает гораздо большее число вкладчиков. Именно: у прислуги 333 т. кн. на сумму 48 м. р., а у фабрично-заводских рабочих — 157 т. кн. на сумму 21 м. р. Пролетариат, создающий все богатства нашей знати и наших тузов, поставлен в худшие условия, чем их личная прислуга! Из всего числа русских фабрично-заводских рабочих (не менее двух милл. чел.) только шестая приблизительно часть имеет возможность делать хотя бы самые ничтожные вклады в сберегательные кассы, — и это несмотря на то, что у рабочих весь доход исключительно денежный и им приходится часто содержать семью в деревне, вследствие чего их вклады означают большей частью вовсе не «сбережения» в собственном смысле слова, а просто суммы, отложенные до следующей посылки домой и т. п. Мы уже не говорим о том, что в рубрику «работа на фабриках и заводах» попадали, вероятно, конторщики, мастера, надсмотрщики, одним словом, вовсе не настоящие рабочие.

Что касается до крестьянства, — если считать, что оно главным образом об'емлется рубрикой «земледелие и сельские промыслы», — то у него средний размер сбережений оказывается, как мы видели, более высоким, чем

даже у состоящих на частной службе, и значительно превышает средние сбережения «городского промышленника» (т. е., вероятно, лавочника, ремесленника, дворника и т. п.). Очевидно, эти 640 тыс. крестьян (на все число около 10 мил. дворов или семей) с 126 м. руб. в сберегательных кассах принадлежат исключительно к крестьянской буржуазии. К этим и еще разве к ближайше соприкасающимся с ними крестьянам только и относятся те данные о прогрессе сельского хозяйства, о распространении машин, о повышении культуры земли и уровня жизни и т. п., — данные, которые выдвигают против социалистов гг. Витте, чтобы доказать «рост народного благосостояния», гг. либералы (и «критики») — чтобы опровергнуть «марксистскую догму» о гибели и упадке мелкого производства в земледелии. Эти господа не замечают (или притворяются не замечающими) того, что упадок мелкого производства как раз и выражается в том, что из мелких производителей выдвигается ничтожное число богатеющих на счет разорения массы.

Еще более интересны данные о распределении общего числа вкладчиков по величине их вкладов. В круглых цифрах это распределение таково: из трех миллионов вкладчиков один миллион имеет вклады до 25 руб. У них всего 7 м. р. (из 545 м. р., т. е. всего 12 коп.

тета и политехников чел. в 200, к которым с обеих сторон улицы быстро сбегались рабочие. Через секунду над толпой взвилось красное знамя с надписью «Свобода»; затем второе и третье знамя... Первое, обшитое золотой бахромой, величественно и плавно заколыхалось над толпой. Толпа зашумела, закричала что-то. Мгновенно прискакали конные полицейские, и началось избивание младенцев царем Иродом. Многие получили серьезные ушибы, а студент Вольскому нанесены тяжелые раны. Ранен также один пристав. Демонстранты были рассеяны. Некоторых арестовали. Студент Вольский замертво упал, пораженный палкой и ударом по голове шашкой. Несколько студентов спаслось от нагаек в ресторане. Через несколько времени на углу Крещатики и Фундуклеевской образовалась группа демонстрантов. Демонстранты пошли вверх по Фундуклеевской с пением революционных песен. Пели нестройно, но зато отчетливо кричали: «Долой самодержавие!» С Фундуклеевской свернули на Владимирскую и около Прорезной были избиты нагайками. На Фундуклеевской улице снова образовалась толпа демонстрантов, которые с пением, свистом и криками поднялись вверх, пошли по Владимирской, мимо университета на Нижне-Владимирскую. Тут их догнали казаки и войско. Часть их жестоко избили, так что некоторые дамы, наблюдавшие бойню, падали в обморок, а часть в 40—60 чел. арестовали и отвели в ближайший участок. После сего казаки принялись разгонять толпу, но безуспешно. Любопытных зрителей было чел. до 15.000; разогнать такую толпу трудно одной сотней казаков. Около университета на пересечении Бибиковского бульвара и Владимирской улицы стояли плотные толпы зрителей, среди которых то там, то сям образовывались группы рабочих и работниц, певших, свистевших и кричавших: «Долой самодержавие!» Получалось такое впечатление, что протестует вся эта огромная масса скопившегося народа. Тщетно метались казаки и полицейские, дефилировали по каждому следу солдаты, — толпа, разбитая в одном углу, собиралась на другом, на третьем, четвертом, в проулках — и пела, кричала и свистала неудержимо. Среди зрителей сочувствие на стороне демонстрантов. Когда разнесся слух, что на углу Бибиковского бульвара и университета убили прикладами рабочего, толпа глухо заволновалась и выразила сожаление, что на демонстрации идут безоружными, а один извозец, увидев студентов, крикнул им: «Спасибо вам, панычи!» Я ушел

в 3½ ч. дня, а толпа демонстрантов и публики нисколько не убывала. Особенное впечатление производила не столько демонстрация на Крещатике, сколько непрерывная демонстрация на нескольких улицах сразу, так что казаки и прочая сволочь не знали что им делать — бить ли публику или только разгонять и оттеснять.

Третий очевидец сообщает:

Киев, 5 февраля 1902 г.

Двухдневный «бунт» в Киеве. Еще с утра, задолго до начала демонстрации, на улицах Киева можно было заметить необычайное оживление: простолодины говорили о готовящемся «бунте», а лица из «общества» с иронией расспрашивали о предстоящей «революции». Издали доносился глухой звук барабана, — это маршируют по городу солдаты для устрашения обывателей. Накануне демонстрации была распространена масса приглашений воззваний по городу, по фабрикам, заводам и мастерским, в учебных заведениях; в театре они тучами летели вместе с разноцветными листками на бенефисе артистки Пасхаловой. Воззвания были выпущены: Росс. Соц.-Дем. Раб. Партией, недавно образовавшимся комитетом «Рабочего Знамени», соц.-революц. и студенческим «Союзным Советом». Прокламации первых двух организаций были печатные. Во всех прокламациях выставлялись требования политической свободы, свержения самодержавия. Таким образом, демонстрация этого года, как и прошлогодняя, носила общий антиправительственный характер и опиралась на союз учащейся молодежи с пролетариатом. Студенческая прокламация заканчивалась стихами, в которых подчеркивалась эта связь:

Пойдем к рабочему народу:

В союзе с ним нас ждет успех;

Пойдем за братство, за свободу,

Пойдем за равенство для всех!

Прокламация соц.-дем. Комитета в ярких выражениях обрисовала наше правительство: «Оно всеми средствами охраняет тот строй, при котором голод обездоленных кормит богатых, холод, от которого дрожат рабочие, греет эксплуататоров, слезы детей пролетариев драгоценными камнями сияют на одеждах тунеядцев»... Далее цитируются слова государя, произнесенные им в этом году на с'езде жандармов: «Надеюсь, что связь, установившаяся

из каждых 10 р. общей суммы вкладов!). Средний размер их вкладов — семь рублей. Значит, действительно мелкие вкладчики, составляя треть общего числа, обладают лишь $\frac{1}{83}$ долей всех вкладов. Далее, вкладчики, имеющие от 25 до 100 руб., составляют пятую часть общего числа (600 тыс.) и имеют всего 36 м. руб., — в среднем по 55 руб. Соединяя оба эти разряда, получаем, что больше половины вкладчиков (1,6 милл. из 3 милл.) имеют лишь 42 милл. руб. из 545, т. е. $\frac{1}{12}$. Из остальных состоятельных вкладчиков один миллион имеет от 100 до 500 р. — у них всего 209 милл. руб., по 223 р. на вкладчика, 400 т. вкладчиков имеют каждый свыше 500 р.; всего у них 293 м. р. — по 762 руб. на вкладчика. След., эти, очевидно уже богатые, люди, составляя менее $\frac{1}{7}$ всего числа вкладчиков, обладают больше чем половиной ($54\frac{0}{100}$) всего капитала.

Таким образом, концентрация капитала в современном обществе, обездоление массы населения сказывается с громадной силой даже на таком учреждении, которое специально приспособлено для «меньшого брата», для мало-зажиточного населения, ибо предельный размер вкладов по закону ограничен 1.000 рублей. И заметим, что эта концентрация имущества, свойственная всякому капиталистическому обществу, еще сильнее

в передовых странах, несмотря на большую «демократизацию» в них сберегательных касс. Напр., во Франции к 31 дек. 1899 г. было $10\frac{1}{2}$ м. кн. в сберегательных кассах на сумму 4.337 милл. франков (франк немного менее 40 коп.). В среднем на одну книжку это дает 412 франков или около 160 р., т. е. менее среднего вклада в русские сберегательные кассы. Число мелких вкладчиков во Франции тоже сравнительно больше, чем в России: почти треть вкладчиков ($3\frac{1}{3}$ милл.) имеет вклады величиной до 20 фр. (8 руб.), в среднем по 13 фр. (5 руб.). Всего у этих вкладчиков только 35 милл. фр. из общей суммы 4.337 милл., т. е. $\frac{1}{125}$. Вкладчики, имеющие до 100 фр., составляют немного более половины общего числа (5,3 милл.), а имеют они всего 143 м. фр., т. е. $\frac{1}{33}$ общей суммы вкладов. Наоборот, вкладчики с 1.000 и более франк. (400 и более рублей), составляя менее пятой доли ($18,5\frac{0}{100}$) общего числа вкладчиков, сосредоточивают более двух третей ($68,7\frac{0}{100}$) общей суммы вкладов, именно 2.979 м. фр. из 4.337 милл.

Таким образом читатель имеет теперь перед собой некоторый материал для оценки рассуждения наших «критиков». Один и тот же факт: громадное возрастание вкладов в сберегательные кассы и увеличение в особенности числа мелких вкладчиков толкуют различным

между мной и корпусом жандармов, — сказал „Ника-Милуша“, — будет крепнуть с каждым годом». Таким образом, разъясняет прокламация, «прежде русские цари лицемерно утверждали, что власть их опирается на любовь народа, который тащил на своих утомленных плечах раззолоченный трон тирана-самодержца. Но сознание проникает в массы рабочего народа, и живой фундамент, на котором стоит трон самодержца, начинает колебаться. Теперь царь не может говорить, что он силен народной любовью, и всенародно признает, что правит страной при помощи жандармов, правит кнутом и штыком». Из числа остальных прокламаций следует отметить еще прокламацию соц.-револ. к офицерам, казакам и солдатам, которая была распространена в большом количестве среди военных. Накануне демонстрации жандармами были произведены обыски во всех казармах, при чем прокламации, как говорят, были найдены только у пехотинцев.

Демонстрация началась в 12 час. С криками: «Долой самодержавие!» толпа, заполнившая тротуары Крещатики и состоявшая преимущественно из молодых рабочих и студентов, бросилась на середину Крещатики и заперушила небольшой участок его, между Лютеранской ул. и Прорезной. Над этой толпой взвилось три красных флага с надписями: «Долой самодержавие!», «Свобода слова, печати, собраний!», «Политическая свобода!». В ту же минуту рассеянные по всему Крещатику околотовые, городовые и конные стражники бросились на толпу и стали осыпать демонстрантов ударами нагаек и шашек. Знамена продержались не долго. Пристав Закусилов первый устремился на коне к знамени, нанося удары направо и налево, но через мгновение у него осталось лишь кнутовище в руках, под ударом он свалился с лошади и был отвезен в Александровскую больницу. Самое большое знамя было захвачено конным городовым, который долго еще ездил с ним по Крещатику взад и вперед, высоко держа его над головой. Демонстранты были отнесены на тротуары. Несколько человек, избитых до крови, были отправлены на извозчиках в участок. Значительная часть демонстрантов, преимущественно студенты, отнесенные с Крещатики на Прорезную, захватив с собой уцелевшее знамя, с песнями поднялись на Б.-Владимирскую и по этой улице беспрепятственно дошли до университета. На Крещатике в это время конные городовые, «очистив» улицу, стали «очищать» и тротуары. Для этой цели они во весь

опор стали скакать по тротуарам, переполненным народом, сталкивая с ног и нанося удары всем встречным. На подмогу городовым вскоре появилась сотня казаков. Избиение было бесчеловечное и производилось самым бессмысленным образом. Трех студентов, упавших под ударами без чувств, отнесли в ближайшие аптеки.

Не успели замолкнуть последние крики на Крещатике, как со стороны университета донесся рев десяти-тысячной толпы. Благодаря тому, что внимание властей было сосредоточено на Крещатике, демонстрантам удалось беспрепятственно достигнуть университета; здесь они пели всевозможные песни приблизительно в течение получаса. Вскоре прибыли казаки и стали разгонять толпу, заполнявшую Б. Бульвар и Б.-Владимирскую на большом протяжении. Опять засвистали нагайки. Появилась пехота, маршировавшая развернутым строем и передвигающаяся таким образом толпу с одной улицы на другую. Под ударами прикладов упал один рабочий; его положили в лазаретную повозку Красного Креста, предусмотрительно заготовленную и следовавшую за войсками. Туда же скоро положили и казачьего офицера, упавшего с лошади от удара долота, метко брошенного ему в голову каким-то слесарем. Слесарь скрылся, а по указанию полицеймейстера Циховского был арестован гимназист, находившийся в толпе. Около трех часов дня центр демонстрации переместился к городскому театру; здесь беспорядки с перерывами тянулись до 7 час. вечера, и здесь имели место самые возмутительные сцены дикого неистовства казако-полицейской орды. Размеры корреспонденции не позволяют перечислить хотя бы некоторые из случаев этой зверской расправы. Особенно возмущает всех поголовное избиение публики, в том числе и массы маленьких гимназистиков, выходивших как раз в это время из театра после дневного представления. Гимназистки, осыпавшие ударами нагаек, спасались, поднимая пальто, спотыкались, падали, но всюду, со всех сторон их настигали удары... Гонимые за своими жертвами, казаки наполовину вскакивали в двери театра. Один казак, преследуя студента, в'ехал до середины высокой лестницы, выходящей на Театральную ул., но упал вместе с лошадью... Все это происходило на глазах и по приказу губерн. Трепова и полицеймейстера Циховского. При виде такого зрелища следователь 3-го участка г. Киева обратился к Трепову: «Ваше превосходительство, вы имеете право арестовать, но к чему избивать дам?!» — «Аресто-

образом. «Критик марксизма» говорит: растет народное благосостояние, растет децентрализация капитала. Социалист говорит: происходит превращение «натуральных» сбережений в денежные, растет число зажиточных крестьян, превращающихся в буржуазию и превращающих свои сбережения в капитал. Еще неизмеримо быстрее растет число крестьян, вытесняемых в пролетариат, живущий продажей своей рабочей силы и отдающий (хотя бы временно) частички своих крохотных доходов на сбережения в кассы. Многочисленность мелких вкладчиков доказывает именно многочисленность бедноты в капиталистическом обществе, ибо доля этих мелких вкладчиков в общей сумме вкладов ничтожна.

Спрашивается, чем отличается «критик» от самого дюжинного буржуа?

Пойдем далее. Посмотрим, на какое употребление обращаются и как именно обращаются капиталы сберегательных касс. В России эти капиталы прежде всего усиливают могущество военного и полицейско-буржуазного государства. Царское правительство (как мы уже указывали в передовой статье № 15 «Искры») распоряжается этими капиталами так же бесконтрольно, как и всем остальным, попадающим в его руки имуществом народа. Оно преспокойно «занимает» из этих капиталов

сотни миллионов на оплату своих китайских экспедиций, на подачки капиталистам и землевладельцам, на перевооружение войска, расширение флота и проч. Так, напр., в 1899 г. из всей суммы 679 милл. руб. в сберегательных кассах 613 милл. руб. находились в процентных бумагах, а именно: 230 милл. в государственных займах, 215 милл. в закладных листах земельных банков и 168 милл. в жел.-дорожных займах.

Казна делает очень выгодный «гешефт»: во-первых, она покрывает все расходы по сберегательным кассам и получает чистую прибыль (до сих пор обращавшуюся в запасный капитал сберегательных касс), во-вторых, она заставляет вкладчиков покрывать недочеты нашего государственного хозяйства (заставляет их давать казне деньги взаймы). Средним числом с 1894 по 1899 г. взносы денег в сберегательные кассы составляли по 250 м. р. в год, а выдачи по 200 м. р. По пятидесяти миллионов получается, след., ежегодно на заштопывание путем займов дыр в мошине государственной казны, которой только разве ленивый не расхищает. Чего тут бояться дефицита от разбрасывания денег на войны да на подачки придворным прихвостням, помещикам да фабрикантам! Из «народных сбережений» можно покрыть всегда порядочную сумму!

вать его!»... было ответом. Через несколько минут подбегает франтик-студент. «Ваше превосходительство, отдайте приказание: — женщин, детей бьют!»... Следует тот же приказ: «Арестовать его!»

Одновременно демонстрации и отдельные столкновения с полицией и казаками происходили и в других частях города; по всей Фундуклеевской, вплоть до анатомического театра, на площади около Владимирского собора, на Еврейском базаре, на Крещатике, на Софийской площади, около городской полиции и т. д. Грозный рев толпы, злобный и отчаянный, доносился в этот день из разных концов города.

На следующий день, в воскресенье, 3 февраля большая демонстрация произошла у городского театра в два часа дня по предварительному соглашению демонстрантов-рабочих. Затем около 7 час. веч. толпа демонстрантов чел. в 200—300, исключительно рабочих, с криками: «Долой полицию!», «Долой нагайки» и с неизменным «ура!» прошла по всему Крещатику от думы до Фундуклеевской, но здесь была временно рассеяна казаками. После того частичные демонстрации по Фундуклеевской и около театра не прекращались до часу ночи. По окончании вечернего спектакля вся Фундуклеевская до Крещатика и площадь перед театром были заполнены густой толпой, которая отделялась от тротуаров цепью городских и солдат и не переставала петь революционные песни и «хоронить самодержавие». Войска были отозваны лишь в два часа ночи.

Во время всех этих демонстраций было произведено очень много арестов, при чем арестовывали отдельных лиц, а не группы демонстрантов, как это делалось в прежние времена. Многих отбивала толпа, многие сами освобождались. Аресты производились совершенно случайно и часто на совершенно отдаленных от демонстрации улицах. Всего за эти два дня было арестовано чел. около 200. Большую часть из них немедленно отпускали, некоторых даже не записывали. В настоящее время, 5 февраля, в разных местах заключения содержится около 100 чел. Интересно, что значительная часть арестов была произведена бренд-майором Козловским, которого пригласили для восстановления порядка, предполагая, очевидно, что он легко справится с пожаром народного возмущения. Но его вмешательство не принесло ожидаемых результатов. Рабочие встречали его грозные окрики сме-

хом или ироническими восклицаниями: «Молчи, пожарная кишка!».

Убитых во время демонстрации, кажется, не было. По крайней мере, разнообразные слухи об убитом студенте, ходившие по городу, до сих пор еще не подтвердились. Раненых же очень много. Жандармский генерал Новицкий разослал во все больницы предписание сообщить фамилии обращающихся в день демонстрации за медицинской помощью. Но раненые демонстранты избегали больницы, боясь встречи с лечившимися там полицейскими. Из чинов полиции более тяжелые ушибы получил Закусилов — самый грубый и наглый из всех приставов, хорошо памятный участникам «Ветровской истории»; но и его «рана» оказалась лишь простым повреждением кожи головы, совершенно не требующим больничного ухода. Тем не менее, Закусилов хотел остаться в больнице... и не напрасно: в тот же день к нему приехал губернатор Трепов благодарить за проявленное им усердие.

В числе избитых не мало самых благонамеренных: нам лично известно три военных врача и один офицер, которые сильно пострадали от нагаек, у одного глазного врача сильно поврежден глаз, дамы уходили с разбитыми в кровь лицами, в синяках, с расчесанными от удара нагайки ротондами, одному студенту обнаженной шашкой рассекли рукав пальто, тужурку и повредили руку.

Еще задолго до демонстрации вице-губ. барон Штакельберг, специалист по части «усмирения» крестьянских «бунтов» и притом «дремучий дурак», — во всеуслышание заявлял, что от Сипягина получен секретный циркуляр, коим предписывается подвергать телесному наказанию всех арестованных демонстрантов, принадлежащих к податным сословиям. Его угроза почти осуществилась с той лишь разницей, что били всех без изъятия, не спрашивая о звании. Не довольствуясь избиванием на улицах, полиция продолжала избивать некоторых арестованных еще во дворе полицейского участка. Так, одного ученика коммерческого училища провели в участке сквозь строй двенадцати казаков, безжалостно избивавших его нагайками. Вся спина у бедняги оказалась исполосованной. Из Лыбедского училища до вечера доносились крики арестованных. Интересно, что местная администрация, губ. Трепов и генерал Драгомиров были на предварительном совещании против избивания, но подчинились предписанию департамента полиции. На последнем совещании у ген.-губернатора (4 февраля) по вопросу о пре-

В скобках заметим, что выгодный гешефт казна делает отчасти потому, что процент по денежным вкладам она неуклонно понижает, и этот процент стоит ниже процента по бумагам. Напр., в 1894 г. процент по денежным вкладам равнялся 4,12%; по бумагам — 4,34%; в 1899 г. 3,92% и 4,02%. Понижение процента есть, как известно, явление, общее всем капиталистическим странам и доказывающее наиболее наглядным и рельефным образом рост крупного капитала и крупного производства на счет мелкого, ибо размер процента определяется в последнем счете отношением между всей суммой прибыли и всей суммой вносимого в производство капитала. Точно также нельзя обойти молчанием и того, что казна все сильнее эксплуатирует труд почтово-телеграфных чиновников: прежде они ведали только почту, потом прибавили телеграф, теперь взвалили на них же и операции по приему и выдаче сбережений (вспомним, что из 4.781 кассы—3.718 почтово-телеграфных). Страшное усиление напряженности работы, удлинение рабочего дня — вот что означает это для массы мелких почтово-телеграфных служащих. А насчет платы им казна скаредничает, как самый прижимистый кулак: самым низшим начинающим служащим платятся буквально голодные платы, и затем установлена бесконечная градация степе-

ней с надбавкой по четвертачку или полтинничку, при чем перспектива грошовой пенсии после сорока-пятидесяти лет лямки должна еще крепче закабалить этот настоящий «чиновнический пролетариат».

Но вернемся к употреблению капиталов касс. Мы видели, что 215 м. р. кассы вкладывают (по воле русского правительства) в закладные листы земельных банков и 168 м. р. в жел.-дорожные займы. Этот факт подал повод еще к одному, весьма распространенному в последнее время, проявлению буржуазного... то-бишь «критического» глубокомыслия. В сущности, ведь, — говорят нам Бернштейны, Герцы, Черновы, Булгаковы и им подобные, — этот факт означает, что мелкие вкладчики в сберегательные кассы становятся собственниками железных дорог, владельцами закладных на землю. На самом деле, дескать, даже такие чисто капиталистические и колоссально-крупные предприятия, как железные дороги и банки, все более децентрализуются, раздробляются, переходят в руки мелких собственников посредством покупки ими акций, облигаций, закладных листов и т. п., на самом деле растет число имущих, число собственников, — а эти узкие марксисты носятся с устарелой теорией концентрации и теорией обнищания. Если, напр., русские фабрично-заводские

дупреждении дальнейших демонстраций жандармский ген. Новицкий рекомендовал ставить на месте, назначенном для демонстрации, казаков, которые провожали бы до самого дома каждого оказывающегося там студента и не выпускали бы его больше на улицу. Но план этот показавшись участникам совещания неудовольствительным.

Возмущение безобразной расправой царит повсюду: демонстранты на деле проявляли свое возмущение, давая сильный отпор «царевым собакам», — так во всеуслышание рабочие ругают казаков; «посторонняя» публика проявляла свое возмущение, защищая демонстрантов, вступаясь за них и укрывая от преследований. Самые благонамеренные лица осуждают такой способ «умиротворения», находя, что он достигает лишь обратной цели и, при существовании широких полномочий администрации, является ничем не оправдываемым произволом. Падение престижа самодержавия в широких слоях народа — вот единственный результат последних демонстраций. «Ну же и здорово освистали самодержавие», радостно говорили друг другу рабочие, расходясь вечером по домам.

Только-что получено известие о демонстрациях и массовых арестах в Москве и Петербурге. Подробности в следующем номере.

Военный министр и рабочие. Приводим полученный нами документ, интересный не только с исторической точки зрения.

Резолюция военного министра на докладе (доклад по главному инженерному управлению, отд. II, стол второй, 15 июля 1898 г.) Начальника Главного Инженерного Управления Генерал-лейтенанта Вернандера об объезде и осмотре кронштадтской крепости.

«Прошу доложить мне, какие принимаются меры, дабы улучшить положение рабочих на производимых в Кронштадте работах и этим удешевить и улучшить самые работы. В особенности меня занимает вопрос о рабочих на новых фортах, отрезанных от сообщения с городом. Прежде всего прошу доложить, что делается для удовлетворения религиозных нужд сих рабочих. Прошу справку, когда именно для сих рабочих совершалась церковная служба. Есть ли забота о правильном отдыхе, о духовном и правильно выбранном чтении. Есть ли забота, дабы отвлечь рабочих от кабака устройством чтений с волшебным фонарем. Обеспечена ли рабочим своевременная получка

присылаемых им писем. Обеспечена ли посылка писем на родину или в Петербург. Не знаю, обеспечена ли медицинская помощь, но я не видел забот о чистоте помещений и одежды. Не знаю, часто ли осматривают рабочих доктор. Заботы о правильном сне не видел: спят на голых досках. Пищью, кажется, обеспечены достаточно, но в мой приезд они оказались слишком тощими. Вид осмотренных мною рабочих, к сожалению, не веселый и недостаточно бодрый. Внутренней связи, благотворной для дела, между строителями и рабочими не видел. При моем приближении некоторые рабочие не поднимались, не кланялись, не снимали шапок. Надо иметь в виду близость столицы и возможность пагубных влияний на рабочих разных отщепенцев русской земли на политической подкладке. Достаточно ли надзор. Хороша ли проверка документов. Не видел я в бараках достаточного числа икон, не видел царских, хотя бы самых дешевых, портретов. Прошу доложить мне, как именно обеспечивается положение рабочих контрактами. Какое назначено на поденной работе число часов работы. Предлагаю неотступно помнить, что нравственными ответчиками за рабочих являемся перед государем и родиной мы, а не подрядчики, поэтому и прятаться за подрядчиков, если в чем окажется неустойка, нам не приходится. Надо помнить, что, к сожалению, рабочий вопрос зреет и в России, что число случаев командирования войск для подавления беспорядков все увеличивается. Нельзя, чтобы военное ведомство относилось бездушно и безразлично к сему тяжелому и важному вопросу, мы черпаем из народа нашу главную силу, мы справедливо до сих пор гордились своим солдатом. Не следует поэтому относиться равнодушно, если материал, из коего черпается сила нашей армии, а за ним и солдат, ухудшается. Надо, чтобы в рабочем, в каком бы отделе военного ведомства он ни служил, мы по мере возможности поддерживали религиозное чувство, преданность государю, довольство своим положением, сознание, что на казенной работе, даже через подрядчиков, его никто не обидит. Напротив, что ему дадут защиту, если он будет обижен, что об нем отчески позаботятся, но и суровым образом поступят, если он того заслужит *.

* Все это надо делать серьезно, не заигрывая с рабочими, особенно не популярничая, не делая им послаблений. Рабочий чуток, он поймет фальшь и строгость, — если она справедлива, уважит.

рабочие имеют, по статистике, 157 тыс. книжек в сберегательных кассах на сумму 21 милл. руб., то около 5 милл. руб. из этой суммы вложено в железнодорожные займы, около 8 м. р. в закладные листы земельных банков. Значит, русские фабрично-заводские рабочие оказываются на целых пять милл. рублей собственниками жел. дорог и на целых восемь миллионов землевладельцами. Вот и толкуйте тут о пролетариате! Значит, рабочие эксплуатируют землевладельцев, ибо в виде процентов по закладным листам они получают частичку ренты, т. е. частичку прибавочной стоимости.

Да, именно таков ход рассуждения у новейших критиков марксизма... И — знаете ли что? — я готов, пожалуй, согласиться с тем широко распространенным мнением, что «критику» надо приветствовать, ибо она внесла движение в застоявшееся, якобы, учение, — готов вот на каком условии. Французские социалисты изощряли в свое время свои пропагандистские и агитаторские способности на разборе софизмов Бастиа¹⁰, немецкие — на распутывании софизмов Шульце-Делича, нам же, русским, досталась, очевидно, на долю пока только компания «критиков». Так вот, я готов кричать: «да здравствует критика!» — под условием, чтобы мы, социалисты, как можно шире вносили в свою пропаганду и

агитацию среди масс разбор всех буржуазных софизмов модной «критики». Согласны на это условие? Так по рукам! Кстати, буржуазия наша все больше отмалчивается, предпочитая защиту царских архангелов защите буржуазных теоретиков, и нам очень удобно будет брать «критиков» в качестве «адвокатов дьявола».

Через посредство сберегательных касс все большее число рабочих и мелких производителей становится участником крупных предприятий. Это факт несомненный. Но доказывает этот факт не возрастание числа собственников, а 1) рост обобществления труда в капиталистическом обществе и 2) растущее подчинение мелкого производства крупному. Возьмите малоимущего русского вкладчика. Имеющих до 100 руб. больше половины, как мы видели, именно 1.618 тыс. с капиталом в 42 милл. руб., т. е. по 26 руб. на вкладчика. Этот вкладчик, значит, руб. на 6 «владеет» железными дорогами, рублей на 9 — «земельным имуществом». Становится ли он от этого «имущим» или «собственником»? Нет, он остается пролетарием, вынужденным продавать свою рабочую силу, т. е. идти в рабство к собственникам средств производства. «Участие» же его в «железнодорожном и банковом» деле доказывает только, что капитализм все теснее переплетает между собой отдельных членов общества

рабочий, получив свой хлеб за счет военного ведомства, будет с хорошим чувством вспоминать время работы на военное ведомство, будет крепко уважать начальство, которое его охраняло, беречь в закон. Во многих случаях такой рабочий послужит оплотом своей деревни против зловредных идей и, быть может, остановит своих родичей от пагубных беспорядков, направленных против собственности или против власти. Кроме сих важных общих целей, ласки и внимание, оказываемые рабочему, забота о его душе, поддержание в нем соответственным чтением и рассказами преданности престолу послужит к образованию надежных кадров рабочих на наших продолжительных работах всех отделов Управления. Эти взгляды я проводил в жизнь 30 л. и всегда с успехом. Нельзя любить офицера и солдата и в то же время не любить рабочего. Я люблю тех и других. Надо, главное, охранять рабочих, чтобы их не обижали подрядчики и особенно рядчики. Нельзя давать рабочим потачки. Где требуется, — оказывать помощь и подрядчикам против рабочих, но чаще делать обратное. Смотреть, чтобы расплата происходила правильно, чтобы договоры с рабочими происходили правильно, чтобы счет прогульным дням не преувеличивался, чтобы у рабочих, работающих, напр., земляные работы с куба, находились в достаточном количестве тачки, катальные доски и пр. Надо наблюдать, чтобы в глухих местах в лавках подрядчиков продавались нужные предметы рабочим по таксе, чтобы в общем на этих лавочках подрядчики не наживались. Надо организовать отсылку денег рабочих на родину, чтобы они их не пропивали. Надо заботиться, чтобы работа не шла слишком форсированно при дурном помещении и пище. Зимой помещения должны быть достаточно теплые и светлые, даже землянки. Надо непременно дать возможность рабочим мыться. Предлагаю все изложенное принять к неперемennomу руководству. Настоящую резолюцию предлагаю сообщить во все строения и окружные Управления.

Подлинную подписал Куропаткин. 19 июня 1898 г.»

Современный помпадур.

По отношению к взятке русский чиновник занимает обыкновенно выжидательное положение. Сидит он в своей канцелярии, вооружившись статьями да циркулярами и

ждет, пока взятка сама к нему придет. Если взятка недогадлива, он тонким намеком направит ее куда следует. Если она чересчур скромна, он ее поощрит одобрительным словом. Это чиновники оседлые. Есть еще так называемые чиновники-охотники, которые не ограничиваются выжидательным положением и идут взятке навстречу. Они рыщут по мутному болоту обывательской жизни и выслеживают и вымеривают, где эта жизнь не доросла до циркуляра или переросла его. Там и взятка зимует. — Но есть еще чиновники, которые, что увидят, то берут, без всяких циркуляров. К таким витязям принадлежит севастопольский градоначальник, адмирал Е. Феодосьев. Феодосьев офицер Черноморского флота. Он «патриот», и казенное добро от своего не отделяет, поскольку это позволяют другие сослуживцы, между которыми тоже не мало «патриотов» и которым тоже «все человеческое не чуждо». И во флоте есть чем поживиться. На обмундирование и на продовольствие матросов и на содержание и ремонт судов отпускаются громадные суммы. Выколотенные с народа рубрики стекаются в казну и оттуда широким золотым потоком льются на потребности флота. Но пока золотой поток достигнет своей цели, добрая часть его разливается во все стороны по карманам различных «патриотов». В этом отношении много возмутительных фактов выяснилось во время так наз. «угольного процесса» в Севастополе в 1900 г. Оказалось, что нет такого предмета во флоте, при приобретении которого не брались бы взятки. При приеме угля, одежды, масла, муки и т. д. и т. д. совершаются непрерывные казнокрадства. За взятки негодные материалы принимаются за хорошие и квитанции выдаются на большее количество товаров, чем на самом деле поставлено. Но этим дело еще не кончается: приобретенные материалы крадутся из складов и продаются обратно частным лицам и потом опять покупаются для казны. Из севастопольских казенных складов увозили краденый уголь даже на казенных катерах, т. е. по поручению высшего местного начальства.

Так как такое казнокрадство совершается непрерывно, из года в год, то для него выработались определенные обычаи и формы, своего рода обычное право, по которому каждый участвующий получает свою долю. Понятно, что высшие чины, имеющие в этих делах определенный голос, получают львиную долю, другие делятся остатками. Так, для техников флота правильно взималось с каждого пуда принятого угля по $\frac{1}{2}$ коп.

и отдельные классы. Взаимозависимость между отдельными производителями была совершенно ничтожна при патриархальном хозяйстве; теперь она становится все больше. Труд становится все более общественным, предприятия все менее «частными», оставаясь все же почти всецело в руках частных лиц.

Своим участием в крупном предприятии мелкий вкладчик несомненно сплетается с этим предприятием. Кто извлекает пользу от этого сплетения? — Крупный капитал, который расширяет свои операции, платя мелкому вкладчику не более (а часто менее), чем всякому заимодавцу, и будучи тем более независим от мелкого вкладчика, чем эти вкладчики мельче и раздробленнее. Мы видели, что доля мелких вкладчиков даже в капитале сберегательных касс крайне мала. Насколько же ничтожна она в капитале железнодорожных и банковых воротил? Отдавая этим воротилам свои крохи, мелкий вкладчик тем самым попадает в новую зависимость от крупного капитала. О распоряжении этим крупным капиталом ему нечего и думать; «прибыль» его до смешного мала (на 26 руб. по $4\% = 1$ рубль в год!). А вот зато в случае краха он теряет целиком даже и жалкие крохи. Не раздробление крупного капитала означает обилие этих мелких вкладчиков, а усиление могущества

крупного капитала, получающего в свое распоряжение даже мельчайшие крохи «народных» сбережений. Не более самостоятельным хозяином становится мелкий вкладчик от участия в крупном предприятии, а более зависимым лицом от крупного хозяина.

Не успокоительный филистерский вывод о росте числа имущих вытекает из увеличения числа мелких вкладчиков, а революционный вывод об усилении зависимости мелких от крупных, об обострении противоречия между все более обобществляющимся характером предприятий и сохранением частной собственности на средства производства. Чем больше развиваются сберегательные кассы, тем больше становится заинтересованность мелких вкладчиков в социалистической победе пролетариата, которая одна только сделает их не фиктивными, а настоящими «участниками» и распорядителями общественного богатства.

[Н. Ленин]

Установившийся порядок усердно охраняется. Если в приемные комиссии случайно попадали честные офицеры, не согласные на темные дела, то начальство удаляло их из комиссий и назначало других членов. Это происходило неоднократно. Точно также устранялись честные купцы, не дающие взятку. От них легко ограждаться целою сетью формальных придинок. Как в севастопольском, так и в батумском «угольном процессе» (1901г.) купцы многократно заявляли, что с морским ведомством честно торговать совсем нельзя.

Таким образом получается спешаяся компания, которая вершит всеми коммерческими делами к взаимному удовольствию, члены которой богатеют, строят дома, одевают в шелк своих метресс и получают ордена.

Насколько взятка явление обыденное для чиновника, видно из того, что один из них взял в виде взятки даже гроб для своего умершего сына (обвин. акт по севастоп. угольному делу).

Упомянутый «угольный процесс» с его 44 обвиняемыми не мог раскрыть все злоупотребления, так как целью процесса было обвинением мелких алтынных воришек очистить от подозрений самых главных виновников казнокрадства — высших чиновников. Следствие велось по инструкциям из Спб. крайне односторонне, и тем не менее на суде председателю неоднократно приходилось прерывать нити преступлений, когда они тянулись выше капитанского чина.

Насколько эта комедия велась беспристрастно, можно судить по следующему факту. Какой-то свидетель простак начал рассказывать о злоупотреблениях при приеме какой-то партии масла. Ему задали вопрос: «А кто же принимал масло?» — «А вот этот!», показал свидетель пальцем на одного из судей (в числе судей были два офицера).

Феодосьев был одним из самых деятельных членов компания казнокрадов. Его рыло было сильно «в угле», но углем он не довольствовался: будучи командиром броненосца «Двенадцать апостолов», он тянул оттуда всякую утварь, материалы, — словом все, что мог. Недаром матросы острят, что из царских «12 апостолов» он украл одиннадцать.

Но по чину своему Феодосьев наказанию не подлежал, напротив, его пожаловали даже в градоначальники. Как таковой, он считался и командиром порта. Теперь он почувствовал в своих руках казенные склады, массу материалов и всякого добра. Руки у него зачесались, глаза разбежались. Прежде всего в портовом пакгаузе его глаза остановились на двух дорогих зеркалах, и он тут же приказал матросу нести их на толкучку, продать и половину выручки принести ему, а другую половину оставить себе. Матрос исполнил поручение и выручил 6 руб. Об этом начале деятельности узнало высшее начальство и испугалось, что Феодосьев для них ничего не оставит. Поэтому его устранили от должности командира порта и, оставляя его градоначальником, ограничили сферу его деятельности бытовым делом. Но тем усерднее он работает в этой отрасли, проявляя необыкновенный для такого чина «демократизм» и сближение с народом. «Он все сам», говорит обыватель. И действительно, «он все сам», сам даже ездит на базар, закупает для себя зелень, мясо и т. п. При этом он, стараясь поднять в народе нравственность, внушает купцам, что с начальства не следует требовать денег за каждый пустяк. Но народ испорченный, и нашему благодетелю нередко приходится прибегать к мерам строгости. Но пусть говорят факты.

Едет раз его превосходительство по базару. Вдруг взор его привлекается кругленьким поросенком, лежащем на прилавке какой-то торговки. Не долго думая, он велел уложить поросенка к кучеру и, не уплативши, продолжает свой путь. Торговка начала кричать о деньгах, но подошедший городской ее скоро успокоил: «Не следует быть жадной! А то — ».

Вскоре после истории с поросенком его на том же месте соблазнил барашек, привезенный для продажи деревенским татарин. Его п-ство остановился, полюбовался барашком и, выразительно посмотревши на сопровождавшего его городского, двинулся дальше. Городовой же

немедленно забрал соблазнителя и утешил удивленного татарина, что заплатит ему аллах.

И точность любит его п-ство. Раз он указывает мяснику на телятину и спрашивает: «Сколько стоит?» — «15 коп., ваше п-во». Забравши целую ляшку, его п-во дает 15 коп. «Винovat ваше п-во, 15 коп. за фунт, а ведь — ». «Так бы сначала и сказал», отвечает его п-во и идет спокойно своей дорогой.

Другой раз в магазине его п-ву понравилась икра. Он потребовал два фунта и, уходя, заплатил 40 коп. Приказчик заикнулся, что следует ему не 40 коп., а 5 руб. Но его п-во величественно указывает на свои двугривенники и спрашивает: «А это разве не деньги?» Посрамленный приказчик развел только руками.

Раз супруга нашего помпадур закупила в магазине различных материй рублей на 100 и, уезжая, утешила купца, что муж заплатит. На другой день «муж», действительно, подехал к магазину и, не вылезая из экипажа, потребовал, чтобы ему дали на 20 коп. такого колена, какого его супруга вчера купила. Получив желанное, он уплатил 20 коп. и объяснил: «Теперь мы квиты. Я, знаете, не люблю, когда за мной счета водятся. До свиданья».

В других областях своей административной деятельности помпадур проявляет не меньшее усердие. Он не любит, напр. ссор между своими подчиненными и, когда он узнал, что младший городской врач спорит со старшим по поводу распределения тех сумм, которые получают за публичных домов за медицинский осмотр, он приказал: «Деньги принести сюда, а я разделю!». Теперь деньги каждый месяц приносятся градоначальнику, за труд распределения он берет себе ровно половину, а другую разделяет поровну между врачами. И ссор между врачами совсем уже не бывает.

Не стану в подробностях описывать, как помпадур с руганью прогоняет приказчиков, явившихся к нему со счетами за забранные им товары, как торгует зависящими от него чиновничьи должностями (он устроил чуть ли не публичные торги на место полицмейстера), как он берет взятки за все, к чему имеет отношение (с кого-то он содрал три рубля за подпись иностранного паспорта). Любопытный севастопольский житель мог бы рассказать много подобных фактов, доказывающих все одно и то же — самое бесстыдное и нахальное нарушение царским наместником того закона, во имя которого он правит. Он все может, осуществлению его прихотей нет никаких границ. Что значит несколько рублей для человека, получающего огромный оклад и в виде взятки собирающего еще гораздо большие суммы? И если он все-таки совершает такой бесстыдный грабёж, иногда из-за 2—3 руб., то это не только из жадности, а скорее из сознания своего всемогущества. Он настоящий наместник всемогущего царя и верный и откровенный выразитель практической политики нашего правительства. И если вы его спросите о границах его власти, он, быть может, откровенно вам скажет: «Прежние правители всея России, напр., блаженной памяти Игорь, сами ходили по домам и собирали поросят и все, что им следовало и не следовало. А теперь Россия так велика, что его имп. вел. одному не справиться, и он назначил себе наместников, осуществляющих царскую неограниченную власть». И что бы ни говорили книги, в действительной жизни такая философия неопровержима. Обыватель совершенно бессилен против грабежа, совершаемого представителями царя. Кому он будет жаловаться, как не тем же чиновникам, которые при первой попытке протеста объявят его государственным преступником, сгноят в тюрьме или размелят в мельнице полицейских придинок. Жаловался же на нашего градоначальника полицмейстер Матвеев, прогнанный им из Севастополя, и выкладывал петербургским властям всякие деяния его. Но так как градоначальник имеет в Спб. «руку», то все жалобы не имели никаких последствий, и Феодосьев продолжает править, как правил до сих пор, и будет благополучно отнимать у торговцев поросят и барашков до тех пор, пока не умрет или по старости не выйдет в отставку, осыпанный царскими милостями, чинами и пенсиями.

А обыватель, видя все это, только вздохнет и покачает головой. Но, спохватившись, он пугливо озирается, не услышал ли кто его антиправительственного вздоха.

Подвиги новой «партии». Новоиспеченная в Минске «Еврейская Независимая Рабочая Партия»¹¹ стала выпускать «Летучий Листок», в котором пропагандирует свои идеи. В № 1 она горячо плачется на преследования со стороны социалистов.

«Независимая Рабочая Партия» не захотела считаться с тем, что не все люди способны воспринять новое слово (еще бы! Особенно, когда это новое слово зубатовского происхождения! Ред.) и критику старого.

«...Как только Независимая Партия приступила к работе, сейчас же начались со всех сторон гонения. Вместо того, чтобы выслушать новое слово, задуматься над ним, начались преследования ее агитаторов, преследования не только словами, но и побоями.

«Ее приверженцы стали известны под именем „зубатовцев“ и „легалитаторов“ еще задолго до того времени, когда их выслушали. Как и во всякой сутолоке, так и здесь выступило на сцену множество „крикунов“ с безмозглыми головами, но зато с сильными глотками и на всех рабочих праздниках и собраниях кричали с скрежетом зубным: „долой, долой!“.

«При таких-то ужасных условиях приступила к работе Независимая Рабочая Партия. Но все-таки она не упала духом, ибо чувствовала, что правда (и Зубатов! Ред.) на ее стороне. Она агитировала еще с большим жаром, силой почти (!) заставила понять свою программу, и она, действительно, сделала большие успехи... Товарищи! Не для разрушения, а для созидания явились мы; мы хотим создать могучее и широкое движение, которое защитило бы рабочего от эксплуатации капиталистов и от всех несчастных случаев в его жизни. Мы наметили себе цель — самую святую цель, которая и быть только может, а именно: поднять материальное и культурное состояние рабочего класса, доказать ему, каким путем добиться хлеба и знаний... Мы употребим все средства, как легальные, так и нелегальные, — лишь бы они принесли пользу рабочему классу при его современном ужасном положении».

В «Письме к объединенным еврейским рабочим» новая партия исследует положение еврейского пролетариата и находит, что он терпит от трех зол: от эксплуатации хозяев, от небезопасности работы и от собственной тьмы (от русского правительства, от собственного политического и гражданского бесправия еврейский рабочий, конечно, не страдает, это выдумка тех «безмозглых крикунов», против которых борется новая партия).

Констатируя малую успешность той экономической борьбы, которую до сих пор вели минские рабочие, партия задает вопрос: «В чем же причина слабости наших организаций? Вина падает на нас самих! Так как наши учреждения считают не только экономическими, но и социал-демократическими, т. е. политическими, то мы не принимаем в них таких рабочих, которые еще не выработались в социал-демократов, если не смогут стать таковыми... Что же касается рабочей массы, то мы ее прямо пугаем тем, что мы политики... Отсюда ясно, что мы сами себе вредим в своей экономической борьбе тем, что наши организации ставят себе политические цели».

Рекомендуя устройство касс взаимопомощи и артелей, партия ставит вопрос, почему эти «мирные» средства не практиковались еврейским пролетариатом, и ищет причин этого факта не в отсутствии свободы союзов, а во вредном влиянии социал-демократии.

«Как партия политическая, она стремится к тому, чтобы пользоваться исключительно теми средствами, которые способствуют революционизированию рабочего класса; такими средствами являются стачки, но ни в коем случае не касса взаимопомощи или артель. Кроме того, партия старается, чтобы движение шло конспиративно: она никаких легальных средств не допускает (Вот как! А мы думали, что «легальн. средств» не допускают гнусные законы России. Ред.) и все это с той целью, чтобы рабоч. классу еще более ненавистно было самодержавное правительство. А так как устройство касс взаимопомощи, артелей и проч. нелегальным образом не имеет смысла, ибо их можно устроить легально, то партия совершенно не допускает их. По своим расчетам она, быть может, и права. Но рабочая масса не желает, да и не должна она желать того, чтобы ее материальные инте-

ресы приносили в жертву каким-то политическим целям (прежде всего материальные интересы рабочих масс приносятся в жертву политическим целям царского самодержавия, которое, напр., до сих пор объявляет стачку уголовным преступлением!! Этого давно нет ни в одной европейской стране. Ред.). Жизнь доказала, что рабочий класс тогда только в состоянии улучшить свое материальное положение, когда борьба его идет рука об руку с кассами взаимопомощи и другими полезными учреждениями, что касса борьбы имеет значение только в том случае, когда существуют кассы взаимопомощи, артели и т. д.; что кассу взаимопомощи гораздо удобнее и легче устроить легальным образом, чем нелегальным. Теперь является вопрос, почему еврейскому пролетариату не создать всего того, что для него является насущной необходимостью? С какой стати ему считаться с тем, что для политической партии невыгодно!».

Итак — для поднятия материального положения рабочих нужны легальные учреждения, т. е. союз с правительством. А для поднятия культурного уровня нужно, по мнению Независимой Рабочей Партии, войти в союз с буржуазной интеллигенцией. Социал-демократы, видите ли, преподают в рабочих кружках «исключительно социал-демократическую программу». Напротив того, «рабочая партия должна стремиться к организации клубов, чтален, лекций как разрешенных полицией, так и неразрешенных ею; она должна привлекать интеллигентов каких бы то ни было политических убеждений и даже без оных и организовать для них кружки».

Из всего этого делается такой вывод:

«Культурные и экономические работы настолько многочисленны и обширны, что является необходимость отделить их от политической работы и создать вполне самостоятельную экономическую рабочую партию, для которой культурная и экономическая работа служила бы целью, а не средством политической борьбы и которая не находилась бы в зависимости от какой-либо политической партии, а, напротив, объединила бы рабочих всех партий, но только не политиков, на почве экономической и культурной работы».

Мы слышали, что еврейские сионисты, т. е. представители еврейской буржуазии, очень благосклонно отнеслись на своем конгрессе к новой «рабочей» партии. О благосклонном отношении к этой партии Зубатова и полковника Васильева наши читатели уже знают. Так и должно быть по самой сути вещей, ибо «экономическая рабочая партия» есть не что иное и не может быть ничем иным, как орудием буржуазии и правительства против освободительного движения пролетариата.

Нижний-Новгород. На рождестве Нижегородским Комитетом Партии было распространено следующее воззвание:

Ко всем офицерам Нижнего-Новгорода.

Никогда еще русскому самодержавию не грозила такая опасность, какая грозит в настоящее время. Никогда еще дух недовольства и протеста не захватывал столь широкие слои русского общества и никогда так ясно и отчетливо не чувствовалось всеми, что главный виновник всех настоящих неурядиц и бедствий — самодержавное правительство.

Самый опасный и самый непримиримый враг его — промышленный пролетариат — никогда еще в своем движении не достигал той степени организованности и революционного воодушевления и пыла, какие присущи ему в настоящее время. Современное русское рабочее движение вышло уж из стадии мелкой борьбы за отдельные уступки со стороны капиталистов и выступило на широкую арену борьбы политической. Соц.-дем. организации отдельных городов все крепче сплавиваются между собой в одну общерусскую революционную партию для совместной революционной борьбы с русским правительством, и русский пролетариат,

под руководством его передовых сознательных борцов, понял, что интересы фабрикантов и заводчиков старательно оберегаются царской полицией и царскими штыками. Повторяем, теперь дело идет уже не об одной борьбе за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня и т. п., но о борьбе за политическую свободу. И эта борьба ведется не разрозненными силами рабочих отдельных заводов, мастерских и фабрик или отдельных городов, но объединенной соц.-дем. рабочей партией.

Но не один рабочий класс враждебен правительству. Деревня, забитая и запуганная вековым рабством, теперь тоже глухо волнуется. Истощенные непосильным бременем налогов, вечно голодающие, лишенные самых примитивных человеческих прав, крестьяне протестуют и стараются сознательными глазами взглянуть на окружающую их действительность. Симптомами пробуждения деревни служат все чаще повторяющиеся аграрные бунты и все более широкое и быстрое распространение сектантских учений, несмотря на жестокие преследования и гонения со стороны правительства. Современное сектантское движение не есть продукт религиозного чувства, оно — результат политической мысли и недовольства своим социальным положением. Упомянем еще, что в России существуют, хотя и немногочисленные, крестьянские союзы, которые ставят своей целью — борьбу с царским правительством.

Так обстоит дело с «низами», с фундаментом русского общества. Но оппозиционным настроением полны также «верхи» — буржуазные классы общества. Мы не станем говорить здесь о настроении интеллигенции: факты, которые мы имеем в виду, слишком общеизвестны, чтобы их стоило напоминать. Мы хотим указать на рост оппозиции в среде либерального дворянства. Дело в том, что в современной России господином положением является промышленная буржуазия, и всякий раз, когда экономические интересы дворянства сталкиваются с ее интересами, правительство становится на ее сторону. Мы не имеем возможности входить здесь в подробности и поэтому для примера напомним хотя бы о высоких пошлинах на иностранные сельско-хозяйственные машины ради охранения карманов русских фабрикантов и о неудачных ходатайствах земств о понижении этих пошлин. Оппозиция либерального дворянства за последнее время не только не идет на убыль, но даже, напротив, обостряется. Прошлым летом в одном из губернских городов состоялся тайный съезд земских деятелей — факт небывалый в русской общественной жизни. А прошлой весной съехавшиеся в Москве на совещание по народному образованию дворянские предводители подняли вопрос о правильных сношениях между либеральными дворянами отдельных губерний в целях совместного противодействия антиземской политике правительства. Напомним еще о речи орловского предводителя дворянства Стаховича о свободе совести, произнесенной на съезде миссионеров. Все эти симптомы свидетельствуют о повышении оппозиционного настроения либерального дворянства. И вот правительство, сознавая это, все энергичнее ведет наступление на либеральные земские учреждения, разжигая тем еще более оппозиционный дух земцев.

А в это время перед ним встает уже новый вопрос, вопрос о недовольстве среди самой промышленной буржуазии. Дело в том, что русское правительство не только не заботится о том, чтобы поддержать свой престиж в глазах того класса, который является опорой его, но, привыкнув считать себя непобедимым, все нахальнее игнорирует желание целых групп населения, входя в стачку с отдельными лицами. В сущности, в настоящее время вся страна находится во власти небольшой шайки. Министры-взяточники, в руках которых царь является простой игрушкой, в своей деятельности руководятся своими собственными интересами и интересами своих родственников, друзей и приятелей. Взятка, неблагоприятная услуга, посещение министровских приемных с заднего крыльца — вот что создает благополучие отдельных лиц, ради которых приносятся в жертву интересы — не говорим уже всего народа, ибо его интересы всегда приносились в жертву, — но даже интересы целых групп промышленной буржуазии и дворянства. В настоящее время, кажется, трудно встретить в Рос-

сии человека, который был бы доволен правительством: недовольство, быть может, не всегда ясно сознательное, проникает, во всяком случае, буквально во все слои и классы русского общества. И что весьма важно — исход из настоящего положения дел большинство видит лишь в одном: в ограничении царского самодержавия. Это ограничение в глазах большинства дает возможность отдельным классам, группам и слоям населения столкнуться между собой и установить известный *modus vivendi*.

Недовольство русского общества из скрытого уже переходит в явное, общество начинает протестовать. Все чаще повторяющиеся уличные демонстрации, в которых принимают участие представители самых различных общественных групп, разнообразные петиции и адреса, настойчивые ходатайства и жалобы земцев, студенческие беспорядки, заявления всевозможных просветительных и других обществ — все это свидетельствует, что волна недовольства встает все выше. К тому же движение из спорадического делается почти непрерывным. Правительство, конечно, видит это и готовится к борьбе, пуская пока что в ход нагайки казаков и кулаки городских, оно прибегает на конец ваши штыки. Оно рассчитывает пойти с вами, офицерами русских войск, на кровавый бой со всем русским народом, русским обществом. Оно надеется, что военная дисциплина и страх кары заставят вас стрелять картечью в собственных отцов, братьев, знакомых. Оно спокойно, ибо верит в вас.

И мы, обращаясь к вам с этим посланием, приглашаем вас задуматься самым серьезным образом над всем, сказанным в нем. Мы приглашаем вас подумать о вашей роли в предстоящих событиях, которым мы дадим здесь настоящее имя — революции, и рекомендуем уже заранее определить в них свое место. При этом мы напомним вам, что в 3. Е. в эпоху революции войска часто действовали против правительства заодно с народом. Мы напоминаем вам, что на одной стороне стоит шайка воров и грабителей, на другой — все русское общество. Мы напоминаем вам, что 4 марта текущего года некоторые из ваших товарищей обнажили свои шашки в защиту беззащитных граждан, избивавшихся жандармами и казаками.

Мы могли бы кончить этим, но мы хотим сказать еще несколько слов о местных делах. Уже не раз русское правительство посылало русских офицеров против рабочих, чтобы защитить от них карманы фабрикантов, и уже не раз, благодаря вмешательству войск, рабочие проигрывали стачки и вновь становились за станки голодные, изнуренные и больные. Уже не раз, благодаря вашему содействию, фабрикантам удавалось отказывать рабочим в увеличении их заработка на несколько коп., чего они требовали. В настоящее время, когда промышленный кризис выбрасывает на улицы тысячи работников, предприниматели спешат воспользоваться удобным моментом для понижения зарплаток рабочего. То же происходит в Нижнем и Сормове. Рабочее население последнего волнуется, и вот уже заранее вас предупредительно держат наготове, чтобы повести на бой с голодными и безоружными людьми. Рабочие Сормова требуют, чтобы были сохранены прежние расценки, которые позволяли им сравнительно сносное существование. Они требуют, чтобы во всех цехах были вывешены табели расценок, так как отсутствие их ведет к тому, что в начале работы обещают один расценку, а по окончании ее расплачиваются значительно ниже; они требуют, чтобы заводская администрация не делала без их согласия незаконного вычета копеек с каждого заработанного ими рубля в кассу церковно-приходского попечительства, тем более, что расходование образовавшихся таким путем сумм происходит совершенно бесконтрольно. Вы видите, что справедливость и право на стороне рабочих, на стороне же предпринимателей — обман и насилие. И мы спрашиваем вас, неужели вы не замечаете той позорной роли, которую вас заставляют играть?

Когда усилии полиции, жандармов и шпионов оказывается недостаточным, тогда они через губернатора обращаются за вашей помощью, и вы поступаете в их распоряжение, чтобы сберечь какому-нибудь фабриканту или заводчику несколько тысяч рублей, которые он затем бросит на проститутку и пьянство. Силой ваших штыков при-

кряваются хозяйские мошенничества, и за вашей спиной в трогательном единении прячутся сытые буржуа и шпионы. Мы не знаем ничего более позорного, более способного уронить достоинство человека. И мы приглашаем вас задуматься над вашей печальной ролью слуг полиции и шпионов. — 24 октября 1901 г.

Нижегородский Комитет Р. С.-Д. Р. П.

Из прошлого. Приводим документальный рассказ о событии, имевшем место 20 лет тому назад. Этот рассказ очень поучителен и, быть может, послужит маленьким предостережением для тех сибирских палачей, которые доводят политических ссыльных до их отчаянных героических поступков.

«Копия с протокола.

«1882 года сентября 16 дня в квартире военного губернатора Забайкальской области генерала Ильяшевича была допрошена читинским полицмейстером при бытности за-областного прокурора старшего советника забайкальского областного правления Семенова, задержанная по обвинению в нанесении раны выстрелом из револьвера в его превосходительство государственная преступница Кутитонская, которая показала:

«Зовут меня Марья Игнатьевна Кутитонская, 26 лет, вероисповедания православного, девица, происхожу из дворянского звания, имею в живых отца, проживающего в г. Одессе, Херсонской губ., состоящего на службе секретарем коммерческого суда, состояла под судом в 1879 году по делу 28, по принадлежности к тайному преступному сообществу, и по приговору одесского военного окружного суда сослана в Восточную Сибирь в каторжные работы, сроком на 4 года. 15 января 1880 г., прибыв на Кару, была помещена в особую для государственных преступников тюрьму; от работ уволена 23 июня 1882 г. и затем отправлена на поселение в гор. Акшу, куда прибыла 1 июля (?). В Акше проживала на квартире у мещанина Ивана Хохла, фамилии которого не знаю, уплачивала за квартиру с содержанием 12 р. в месяц. Деньги были собственные, полученные в разное время от моего отца, которые высылались по 10 руб. в месяц на имя заведующего нерчинскими ссыльно-каторжными, и затем в г. Акше через окружного исправника — 40 руб. Проживая в городе, никаких определенных занятий не имела, была знакома с проживающими в г. Акше местными жителями, которых по фамилии назвать отказываюсь; у них бывала, и они — у меня, но как часто — объяснять не желаю; кроме местных жителей, имела знакомство с проживающими в Акше уволенными от работ государственными преступниками: Михаилом Терентьевым и Эсфирью Геллис. Из Акши выехала сама в ночь на 14 число сентября в г. Читу с целью, которую и привела в исполнение, по ранее задуманному мною намерению, без всякого постороннего участия. В г. Читу прибыла 16 числа сентября, в котором часу, — не помню; каким порядком ехала, где переменила лошадей, кто был ямщиком — на все эти вопросы отвечать не желаю, а узнайте сами. Прибыв в Читу, была привезена в окружное полицейское правление и сдана ямщиком помощнику исправника, откуда с казаком была отправлена на квартиру к окружному исправнику Письменнову, которому и заявила о своем желании видеть губернатора для объяснения по своему личному делу. Исправник Письменнов, взяв меня с собою, доставил в дом губернатора, где оставил в передней, а сам пошел для доклада Его Превосходительству. Через некоторое время, разделить в точности не могу, исправник, отворив дверь из приемной в переднюю комнату, сказал, что войти можно. Войдя в приемную комнату, губернатор стоял в нескольких шагах от двери, в которую я вошла, и в то время, когда он ко мне приблизился, то я тотчас же выстрелила из имеющегося у меня шестиствольного револьвера, того самого, который был поднят с полу и пред'явлен мне при настоящем допросе. Где сохранялся у меня револьвер по прибытии в дом губернатора и откуда я таковой приобрела, отвечать не желаю. Мотивы совершенного преступления желаю написать сама.

«Все меры, применявшиеся в последнее время сибирской администрацией по отношению к государственным заключенным, не достигали желаемых вами результатов. Вы уничтожили переписку даже с близкими родными и порвали решительно всякую связь с внешним миром, упразднили вольные команды и обрекли заключенных на пожизненное тюремное сидение, желая обратить их в живых мертвецов. Но это не подорвало глубокой веры революционеров в правоту их дела. На все меры строгости они отвечали побегом из тюрем, в то время когда компетентный во всех отношениях г. Галкин ревизовал тюрьму и вводил инструкцию, целью которой было обращение революционеров в стадо мирных баранов. Пораженные фактом побега, государственные мужи, поседевшие в делах правления, вы обратились к позорным, унижительным мерам — единственным, достойным вашего умственного и нравственного мировоззрения. Вы решились посягнуть на человеческое достоинство и личную неприкосновенность людей принципа и чести, — людей, понимающих права человека и гражданина и строго проводящих их в жизнь. По отношению к этим людям вы применили дикую меру бритья головы и повального избияния безоружных и беззащитных заключенных при помощи штыков и прикладов вооруженных рассвирепевших казаков. Этой отвратительной расправой правительство вызвало террор в Сибири, и сибирская администрация является ответственным за него лицом. Все меры грубого насилия вы можете обратить в систему, но не забывайте, что вы боретесь не с отдельными людьми, а с идеями, с неумолимыми законами развития национальной жизни. Не забывайте, что революционная идея все более и более становится достоянием массы и что столкновение штыка с идеей вызывает страшную грозу.

«Подписала поселенка Мария Кутитонская.

«С подлинным верно:

«Обер-аудитор окружного штаба статский советник
Гладков».

За это покушение Кутитонская была приговорена к каторге. В 1886 г. она умерла в каторжной тюрьме.

Встреча Нового года в орловской тюрьме. До последнего времени в орловской тюрьме существовал такой порядок деления предпраздничных жертвований, при котором со стороны заключенных присутствовали их выборные — старосты. В нынешнем году этот порядок был изменен, и все жертвования были разделены самой администрацией тюрьмы. По словам смотрителя тюрьмы, эта перемена была вызвана тем, что будто бы выборные заключенные входили в сделку с надзирателем и брали себе львиную долю добычи. По другой версии, наоборот, именно на этот раз надзиратели, бесконтрольно производившие раздел жертвований, использовали новый порядок далеко не в пользу арестантов. Как бы то ни было, но новый порядок раздела жертвований вызвал крупные недоразумения между арестантами, завершившиеся всеобщей свалкой. Прибывавшего для водворения порядка смотрителя кто-то из арестантов окатил щами (все это происходило в обеденное время), в надзирателей полетели чашки, ковши и все, что попадалось под руку расхажившей толпе. Не будучи в состоянии справиться с «бунтовщиками» своими средствами, смотритель вызвал по телефону полицмейстера, который и явился в сопровождении приставов, околоточных и городовых. Приехали в тюрьму также губернатор Г. И. Кристи и прокурор П. С. Пороховщиков. По команде полицмейстера, городовые кинулись на арестантов и разогнали их по камерам, при чем не обошлось без побоев. Казалось бы, бунт усмирив и власти могли бы спокойно раз'ехаться по домам. Но губернатору и прокурору показалось, что они слишком мало приняли участия в усмирении «бунта», а, кроме того, русские административные традиции требуют от администратора, услышавшего слово: «бунт», отвечать словом: «пороть!» Так поступили и в данном случае гг. Кристи и Пороховщиков. И вот орловская тюрьма, более 15 лет не видевшая (к чести ее сказать)

в своих стенах телесных наказаний, накануне 1 янв. 1902 г. сделалась свидетельницей возмутительной расправы. Сечению подверглись несколько человек арестантов, остальные же были «помилованы». Губернатор и прокурор, все время присутствовавшие при экзекуции, непосредственно из тюрьмы явились в Дворянское Собрание, где орловское общество собирается в Новый год для принесения взаимных поздравлений. Там им пришлось выслушать очень язвительное, довольно громко произнесенное поздравление: «с победой и одолением!» от одного из собравшихся. Вообще же, к чести Орла, нужно сказать, что такие меры «кусирания» не находят сочувствия даже в консервативных кругах.

Письмо из Ярославля. Было бы не совсем правильно связывать происхождение той политики, которая теперь общеизвестна под именем зубатовщины, с именем бывшего провокатора-предателя, а ныне начальника московской охраны — прословутого Зубатова. История деятельности одного помпадур, которую мы собираемся сейчас рассказать, может послужить свидетельством того, что честь изобретения у нас этой системы принадлежит, пожалуй, не Зубову, а некоторым его гениальным предшественникам, ну хотя бы, напр., камергеру е. в. двора Б. Штюмеру — нынешнему ярославскому губернатору. Об этом именно господине мы и собираемся повести речь. Начал Штюмер свою карьеру в Твери, сначала в качестве слегка окрашенного в либеральный колер гласного, а затем председателя Тверской губернской управы «по назначению». Но и на этом последнем посту он не растерял свой, с позволения сказать, «либерализм», а сохранил и приумножил, ибо без такого рода бутафорской принадлежности в столь «неблагонадежном» земстве, как Тверское, трудно с успехом парадировать в роли дирижера, особенно при наличии такого несмываемого пятнышка, как «по назначению». Нужно полагать, что усвоенная Штюмером при таких условиях тактика «заигрывания» не шла в разрез с видами и намерениями высшего начальства, ибо доблестный камергер довольно быстро шагнул из предводителей в губернаторы (кажется, в 1899 г.). В этой новой роли он неуклонно продолжает вести свою линию и успел уже ознаменовать свое губернаторство блестящей деятельностью на поприще ярославского просвещения и общественности.

Начал Штюмер с организации общества взаимопомощи и клуба, под заманчивым названием «Парус». Во главе стал сам губернатор, а ближайшее сотрудничество с ним по этому делу разделили его приближенные — чиновники его канцелярии и т. п. лица. Само собой разумеется, что для нечиновничьей интеллигенции там места не нашлось. Если просматривать номера местной газеты «Северный Край» за то время, то даже из нее легко будет усмотреть между строк, как, уже в самом начале жизнедеятельности «Паруса», властной рукой помпадур душилась всякая здоровая инициатива, всякая хорошая попытка, не входившая в полицейские расчеты просвещенного администратора (особую услугу при этом ярославскому Зубову сослужил известный русский жупел, именуемый «неблагонадежностью»). Понятно, что, в конце концов, не нашлось желающих подвергать себя всем возможным опасностям плаванья под штюмеровским «Парусом», и этот парус пришлось снять. Несколько, однако, ранее краха «Паруса» предусмотрительный камергер спустил на озеро ярославского прогресса новую ладью под другими парусами. На выкинутом флаге широкоवेशательно красовалось: «Общество для содействия народному образованию и распространению полезных знаний в народе». История этого общества очень похожа на первую историю. На председательском кресле в совете общества поспешил усесться, как это и нужно было ожидать, все тот же Штюмер; он же по § 26 устава является непременным председателем и «общих собраний». В результате — «общество» оказалось мифом: «совет» для ради некоторой видимости что-то такое затевал, устроил, напр., несколько грошовых народных библиотек; что же касается общего собрания, то оно вот уже два года, как ни разу не созывалось, ибо сие не благоугодно было г-ну губернатору. В ответ на

это никто не смеет и пикнуть. В последнем эпизоде характера, между прочим, то, что первоначальная инициатива в этом начинании принадлежала местной интеллигенции, и лишь любезное, хотя и непрошенное «содействие» высокопоставленного прогрессиста и подхалимоватая покладистость местного общества превратили начатое дело в мерзость запустения.

История возникновения и первых шагов третьего общества — «взаимопомощи учителей и учительниц» носила уже несколько иной характер. Здесь интеллигенция пробовала было отстоять свою самостоятельность и свое дело от мертвящего проникновения в него штюмеровского элемента*, но в конце концов «жизнь взяла свое» — руль утлого суденышка попал в крепкие лапы Штюмеру, и общество поплыло под его испытанным парусом.

Наконец, наш ярославский Гарун-аль-Рашид облюбовывает своим хищным взором юридическое общество при местном юридическом лицее, пользуясь благосклонной, — вернее, раболовной поддержкой со стороны известного своим «сердечным попечением» о студентах директора лицея Шпилевского, и прочей профессорской братии из класса пресмыкающихся. Здесь он всегда восседает одесную председателя и благосклонно пользуется любезно предоставленным ему правом первого голоса.

В заключение нам остается сказать еще несколько слов об отношении Штюмера к местной газете. Нужно заметить, что московский Зубатов еще не додумался до создания своего собственного органа печати, между тем как Штюмеру эта мысль была не чужда. Давая свое разрешение на возникновение «Сев. Края», дальновидный ярославский Зубатов рассчитывал иметь в лице этой газеты свой собственный, так сказать, полуофициоз, долженствующий заняться делом создания прочной популярности его славному имени. Но тут расчет его оказался недостаточно тонок: скромная подцензурная провинциальная газетка оказалась настолько все-таки приличной, что от роли трубадура, воспевающего гнусливым голосом доблести своего покровителя, уклонилась, государственным мудростью Штюмера не восхищалась и вообще губернаторских надежд и ожиданий не оправдала. Все, чего успел достигнуть по отношению к ней превосходительный хищник, это — просто придушить и обесцветить ее: всякая, самая даже невинная, критика мероприятий или действий местной администрации, а отчасти и дел, касающихся городского или земского самоуправления, выходит за пределы для нее дозволенного (по этому поводу редакция получила даже особый циркуляр от губернатора). Чем кончится эта неравносильная борьба — неизвестно. Может быть, если бы Штюмер повел дело несколько политичнее, если бы он попробовал объявить себя близким приятелем прогресса, надежным другом свободного слова или кем-нибудь в этом роде, если бы он не очень уж свирепо тискал несчастную газетку в цензурных клещах, то — почему знать — не достиг ли бы он по отношению к ней искомой цели? Ведь наша великомученица-интеллигенция до того истрадалась от неласкового обращения, что одним ласковым словом можно вызвать из ее глаз гелый поток благодарных слез и купить, пожалуй, все ее нутро... Впрочем, не будем гадать, а то, чего доброго, г. Штюмер подслушает наши откровенные признания и наматает их себе на ус...

Теперь наше ярославское общество как будто немножко раскусило своего интересного губернатора-либерала. Даже такой мало интересный элемент, как местные земцы, — и те обнаруживают свою неприязнь к новому фокуснику. Так, напр., во время последней сессии блестящий камергер, против всякого обыкновения, был обойден приглашением пообедать вместе с господами земцами.

* Так, напр., на первом собрании членов Штюмер взобрался было по привычке на председательскую трибуну, хотя никто его председателем не выбирал и никто из местных Гостомыслов перед ним в пояс не раскланивался с просьбой оказать собранию такую честь. Это обстоятельство вызвало «интерпелляцию» со стороны одного из членов, и в результате произошло небольшое «недоразумение».

Ожнорусской Группой Социал-Демократов изданы два нижеследующих воззвания:

I.

Российская Социал-Демократическая
Рабочая Партия.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ.

20 января часов в 11, когда представленная в Русском и Городском театрах близилась к концу и публика все свое внимание сосредоточила на сцене, с галереи посыпались вниз и разлетелись по всем направлениям прокламации, выпущенные по поводу позорного братания царя с жандармами. Одновременно с этим раздались громко твердые голоса:

Долой русское самодержавие!

Да здравствует политическая свобода!

Да здравствует социализм!

Это было сделано двумя нашими товарищами (рабочими), совершенно ясно понимавшими всю важность и значение этого акта.

В истории русского соц.-дем. движения это первый случай открытого заявления протеста, которое русское общество услышало при подобной обстановке, протеста против гнета и насилия, против зла и неправды.

Если это не говорит русскому царизму о количестве его врагов, то говорит о том, что сознательные враги бессилены, что их не пугает ожидающая их дикая расправа, что они всегда готовы отдать все свои силы, свою свободу, всю свою жизнь на борьбу с царизмом у нас бесправием, произволом и гнетом.

Это покажет силу не только личностей, идущих на открытую борьбу, но и силу партии, выдвигающей эти личности, силу идеи, которая одушевляет всех нас в этом неравном бою.

Пусть этот открытый протест наших товарищей будет одной из тех искр, из которых возгорится могучее пламя разольется по всем уголкам России и сожжет чудовищный русский царизм.

Пошлем же наш братский привет нашим отважным товарищам и всем борцам за свободу.

Повторим же за ними:

Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода! Да здравствует социализм!

Прочитав, — передайте товарищам.

Южная Революц. Группа Соц.-Демократов.

II.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ЧИНАМ АДМИНИСТРАЦИИ.

Дошедшие до нас сведения о крайне грубом обращении полиции и жандармов при обысках, а также во время допросов, заставляют нас обратиться к чинам администрации с напоминанием, что рабочие — люди с весьма развитым чувством человеческого достоинства и не желают безнаказанно сносить незаслуженные оскорбления, которым они подвергаются всякий раз, как им приходится иметь дело с полицией. При этом приходится констатировать тот факт, что подобное обращение позволяют себе не только низшие полицейские чины, к которым подчас нельзя предъявлять в этом отношении слишком строгих требований, но и высшие чины администрации, которые должны были бы подавать своим подчиненным пример сдержанного и вежливого обращения с попадающими в их руки лицами. Кроме того, нам известно, что заключенные в одесской тюрьме должны не редко прибегать к голодовкам, чтобы избавиться от тех подчас бесцельных стеснений и ограничений, которые налагают на них не в меру усердные тюремные власти.

Поэтому мы считаем себя вынужденными рекомендовать чинам администрации, чтобы они усвоили себе более вежливое обращение с привлекающимися по политическим делам лицами, внушили это своим подчиненным, позволяющим себе нередко наносить побои арестованным рабочим и не доводили заключенных в тюрьме до голодовок, крайне вредных для людей, и без того обессиленных более или менее продолжительным сидением в одиночном заключении.

В противном же случае мы ни за что не ручаемся, так как рабочие, озлобленные дошедшими до них фактами кулачной расправы полиции с рабочими, готовы, в случае повторения подобных фактов, на протест, могущий принять совершенно нежелательные формы.

Южная Революц. Группа Соц.-Демократов.

Одесса. За последние три года движение в Одессе сильно развилось. До этого у нас в течение 90-х гг. не раз вспыхивали отдельные огоньки, но жандармам скоро удавалось выхватывать главарей, и огни эти замирали. Уцелевшие сознательные рабочие оставались одиночками и не в силах бывали продолжать начатого. Но время шло, сознание рабочих развивалось, и вот, наконец, нескольким лицам удалось положить основание настоящей организации с Одесским Комитетом во главе. Работа пошла, как это, к сожалению, часто бывает, по линии наименьшего сопротивления. Наиболее легкой почвой оказались ремесленники, которых в Одессе насчитывается очень много, а самым легким способом пробуждения сознания оказалось развитие стачечного движения. Сперва портные, дамские и мужские, потом одно ремесло за другим были охвачены этим движением. Стачка следовала за стачкой, многие из них имели успех. Агитация и пропаганда велись на почве насущных экономических интересов и дальше этих интересов не шла. Од. Ком. выпускал прокламации к стачечникам чисто экономического характера. Ни слова не было ни о политической борьбе ни о социализме, если не считать социализмом призыва в заголовке: «Пролетарии и т. д.». Материальное положение ремесленных рабочих стало заметно улучшаться, но, дойдя до известной степени, оно дальше, конечно, пойти не могло. В тех отраслях, где улучшение дошло до пределов возможного при стачечной борьбе и вообще современных условиях, — движение остановилось. Надо прибавить, что большинство ремесел носит сезонный характер. С окончанием сезона многие завоевания сводятся к нулю, так как рабочие почти все распускаются. С началом нового сезона надо чуть не сызнова начинать борьбу. Отметим еще одну черту, характерную для описываемого движения, именно, — развитие движения вширь, а не вглубь. «Глубь» решительно отдавалась в жертву «шири». От этого движение теряет в своей прочности, люди захватываются в него слегка, развитие большинства остается элементарным. Жизнь, однако, шла своим чередом и все громче заявляла о своих правах. События 1901 г. не прошли бесследно: они произвели и в Одессе сильнейшее впечатление на сознательных рабочих. Рабочие глухо волновались, и многие рвались к демонстрации. Несмотря на тормозящую тактику Одесского Комитета, политическое сознание рабочих все росло и росло. Образовавшаяся в начале октября минувшего года новая «Южная Революционная Группа Соц.-Демократов» отвечала вполне назревшей потребности, и успех ее превзошел все ожидания. И среди рабочих Одесского Комитета оказалось и развилось под влиянием новой группы такое брожение, что Од. Комитет повернул в сторону политической агитации.

Скоро после того произошла стачка на табачной фабрике Попова. Одесский Комитет сначала выпустил воззвание с экономическими требованиями. Рабочие (почти все подростки) держались стойко. В стачку вмешалась полиция и пустила в ход все меры: арестовывала на дому и на улицах, насильно тащила к станку; арестованных продержали недели три и выслали по глухим местам «на родину»; высылали и малолетних, без средств, — словом, все обычные приемы. Одесский Комитет выпустил вто-

рую прокламацию к рабочим Попова, где разъяснялось, что «правительство тоже наш враг» (после капиталистов), и заканчивал призывом: будем требовать от правительства свободы стачек, собраний и т. д. Это было уже вполне в духе прежней деятельности Одесского Комитета, хотя ново было здесь, как и в ционистской прокламации, открытое выступление с политическими требованиями. Стачка у Поповых ничем не кончилась, так как рабочие частью были высланы, частью разошлись по другим фабрикам. Полицией же вмешательство даже на самых несознательных действовало удивительным образом. Многие девушки говорили: «Мы ничего не делали, и с нами полиция так подло обошлась, так уж лучше „делать“, чтобы знать, за что нас мучают». В ноябре Одесский Комитет распространил № 2 «Летучего Листка Рабочего Слова», где выяснялась роль правительства только как защитника капиталистов и землевладельцев. Наконец, в декабре был распространен № 3 «Летучего Листка Рабочего Слова» о милитаризме, где доказывалась выгода милитаризма опять-таки исключительно для капиталистов. Появление всех перечисленных изданий, начиная с ционистской прокламации, знаменует сильный поворот в направлении деятельности Одесского Комитета: переход к открытой письменной политической агитации. Правда, после первого колебания влево, Одесский Комитет стал снова проводить свой взгляд, что наше самодержавие не есть самостоятельная сила, с собственными интересами господства, а лишь простая равнодействующая господствующих классовых сил. Такое доктринерство заставляет объяснять все жестокости нашего азиатского деспотизма просто как... усердие правительства не по разуму... для пользы капиталистов. Так, в ционистском воззвании ставится вопрос: кому нужны эти зверства? Нет ответа, ибо они, право, никому не нужны. Точно также в политическом воззвании к рабочим Попова говорится приблизительно так: «мы сидели себе смирно, никого не трогали, мирно отказались работать, а правительство... и т. д. Известно, что фабриканты не всегда хотят доводить репрессалии по отношению к рабочим до их «логического» конца: им слишком опасно иметь дело с озлобленными рабочими. Но им уже не удается остановить расходившуюся в защиту «престол-отчества» полицию. Так было и с Поповыми: ему Шувалов (градоначальник) отказал в освобождении рабочих, которые ему были необходимы на фабрике. И выходит по Одесскому Комитету, что в деле Попова все жестокости полиции — простое переустройство полиции в деле защиты интересов капиталистов.

Южная Р. Г. С.-Д., устроивши свои внутренние дела, принялась в ноябре выполнять свою программу, — развивать агитацию среди широкой массы, развивая ее политическое сознание, не дожидаясь каких-либо особых событий, вроде ционистских избиений или безобразий у Попова. Первым делом было выпущено общее воззвание к рабочим и особое — к оппозиционной интеллигенции. Не ограничиваясь обычным разбрасыванием по рабочим кварталам и раздачей по рукам, Ю. Р. Г. Соц.-Дем. решила распространить воззвания и в публичных местах, на виду многочисленной публики. И вот, сначала в аудитории на чтении лекций для народа, а затем одновременно в двух главных театрах: в Русском и Городском были разбросаны листки с блестящим успехом во время игры. Жертв из Группы не было, но некоторые посторонние лица временно пострадали. Это была, своего рода, открытая мирная демонстрация: белые бумажки с ярко-красными ленточками летели по всему театру. В первую минуту публика не поняла, в чем дело, но скоро, сообразив, стала прятать бумажки по карманам. Кроме того, было разослано еще по домам почтой много этих же прокламаций.

Заговорили везде и повсюду о социализме, политической борьбе, в то время как прежде, кроме некоторых слухов о стачках и арестах, ничего не слышно было в области «нелегального». Дальнейшая деятельность Ю. Р. Г. С.-Д., так сказать официальная, состояла в выпуске листка в память 14 декабря. Затем в декабре же были выпущены листки к каменоломщикам, к железнодорожным рабочим, к рабочим прачечных заводов. К новому году был выпущен № 1 «Летучего Листка Ю. Р. Г. С.-Д.».

Такова внешняя деятельность Ю. Р. Г. С.-Д. Внутренняя же ее деятельность неизвестна и обнаружится только по истечении немалого времени. Если Ю. Р. Г. С.-Д. употребит все усилия, чтобы поставить движение в Одессе прочно, закрепить глубоко его корни, содействовать все-стороннему развитию рабочих, втягиваемых в борьбу, то за него останется огромная заслуга в развитии сознательного соц.-демократ. движения в Одессе.

От редакции. Помещая эту корреспонденцию, принадлежащую, очевидно, стороннику одной из двух одесских соц.-демократических организаций, мы, разумеется, оставляем на ответственности автора объективность данной им характеристики Одесского Комитета. С своей стороны, приветствуя энергичный почин «Южно-Русской Группы Соц.-Демократов» в деле внесения в одесское движение новой струи, мы выражаем надежду, что пионерам политической агитации в Одессе удастся убедить несогласных с их тактикой товарищей успехом своей деятельности и тем сделать в рядах восстанова организации единого единства в рядах одесских соц.-демократов.

Екатер. Ком. Росс. Соц.-Дем. Рабочей Партии обратился с следующей прокламацией:

Ко всем рабочим г. Екатеринослава.

«Царские опричники никак не могут успокоиться. Им мало показалось крови, пролитой 15 декабря. Они не удовлетворились тем, что целый месяц гноили в тюрьме 53 человека, между которыми попались 15-летние мальчики и старые набожные евреи. Они мечутся теперь, как угорелые, тщетно стараясь отыскать постоянно ускользающих из их рук революционеров.

«В ночь под 16 января они напали на мирно спящий Екатеринослав, обыскивали школы, библиотеки и частные квартиры. Арестовали всех, кто им показался почему-либо подозрительным. Велик страх царского правительства перед рабочим движением, товарищи! Оно видит теперь, что все, что ненавидит его самодержавный произвол, кто борется с бандой хищников, все стекаются под знамя социал-демократической партии. Оно знает, как много у него врагов, потому что ожесточением и набрасывается на всякого, кто кажется им крَمْольником. Чего же хотим мы, сознательные враги царского правительства?

«Мы добиваемся свержения самодержавия, этого старого покровителя крепостного права, мы требуем законов, которые сняли бы с нас тяжесть налогов и повинностей, мы стоим за уничтожение солдатчины, так как не хотим убивать таких же, как мы, людей, ради выгоды капиталистов, мы добиваемся права защищать свои интересы от наглости эксплуататоров и отказываемся от полицейской опеки правительства. Мы хотим сами управлять своими делами, говорить на собраниях и писать в газетах все, что полезно нам. Десятки лет уж длится наша борьба с насилием и хищничеством. И эта борьба не проходит бесследно. Мы вынудили правительство считаться с нашими требованиями, больше — оно нас боится. Правительство понимает, что перед красным знаменем рабочей революции неминуемо должно пасть царское самодержавие и все, чем оно держится: капиталисты, чиновничество и полиция... а самое главное -- мы выучились бороться, товарищи! Мы ясно теперь сознаем свое политическое бесправие и экономическое угнетение. Мы знаем, кто наши враги, в чем смысл нашей упорной, но победоносной борьбы. Опыт прежних лет не пропал для нас.

«Вы видите все, что после набега жандармской сволочи, как и перед набегом, мы сильны своей организацией, своей сплоченностью. И еще не раз мы будем ужасать правительство и капиталистов своею несокрушимой силой до тех пор, пока не рухнет царский трон от ударов многомиллионной мускулистой руки рабочего, пока не восторжествует новый социалистический строй жизни, основанный на всеобщем равном для всех трудящихся праве на счастье. Итак, товарищи, дружно вперед на новую борьбу! Да здравствует соц.-демократия, долой капиталистов, долой самодержавие!»

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

и

ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

Николаев. В ночь на 21 января произошли в Николаеве аресты в связи с массовым разбросом прокламаций. Незадолго перед тем в местном адмиралтействе Юрьев разрешил на праздниках рабочим не приходиться на третий день рождества, а потом, по приказанию высшего начальства, их оштрафовали. Когда рабочие выражали протест, он четырех уволил. По этому поводу были разбросаны прокламации 13 января. Из Николаева переведен в Тамбов старшим фабричным инспектором Влад. Рюмин. Он разыграл в Николаеве из себя либерала и даже красного, на деле был в близких отношениях с жандармерией, и многие местные провокаторы обязаны своей карьерой Рюмину. Рюмин — усердный последователь зубатовской политики. Газета «Южная Россия» от 25 января сообщает, что Рюмин проектирует уже открыть в Тамбове «общество потребителей рабочих», очевидно, подобное тому, какое существует в Николаеве. Этому господину поднесли при отъезде прочувствованный адрес с подписями, которые собрали провокаторы.

На днях рабочие судостроительного завода вывели из мастерских мастера, надевши ему мешок на голову, что вообще практикуется с подобными господами. Из-за этого «мешка» несколько человек было уволено.

Воронеж. Имеется у нас казенный винный склад, работающих на нем человек 200, преимущественно девушек. Зарплата очень и очень невысокая, самый высший 12 руб. Обращение со стороны заведующих, хотя лиц и с высшим образованием, далеко не безукоризненно. Допускаются всякие шуточки, выходки. Требуется в складе безусловная чистота, от работниц требуется, чтобы они являлись чисто одетыми. При малом заработке это является не легкой обузой. Каждое отделение должно за день очистить не менее определенной нормы числа бутылок. Но в наем работниц казна так экономна, что существующего комплекта еле-еле хватает для выработки нормы в 10-час. рабочий день; на обязанности же работниц лежит подмывание пола. Для этого работниц, не платя им лишней платы, каждый день задерживали на полчаса. На их заявления, что они не обязаны этого делать, следовала площадная брань, более заносчивых увольняли. Наконец, терпение работниц не выдержало, и они в обед, вместо того, чтобы разойтись, собрались на дворе для выбора депутации к управляющему. Управляющий, помнящий разгром харьковского винного склада, моментально уступил. После этого со стороны заведующего начались бесконечные мелочные придирки, ругань же он не считал нужным прекратить. Слесаря страшно довольны девицами. Следует им теперь подумать о дальнейшем улучшении своего положения. А местным социал-демократам пора бы обратить внимание на положение рабочих казенного склада.

Завод Понизовнина, Костромской губернии.

На паточный завод Понизовнина местные крестьяне пристрастились возить картофель. Добрый хозяин, радея о нуждах крестьян и не желая заставлять далеко ездить за покупками, устроил у околицы лавку. При приеме картофеля происходило самое бесовское обмеривание. Завод остроумно завел «нормальный» четверик, в который обыкновенно входит 1½. Когда же приходится получать деньги, то удивленному крестьянину дают какую-то мелочь — остальное пошло на уплату долга в лавочку. Некоторые падают на колени, просят пощадить, другие же решили возить на другой завод или в город. Но лавка так успела запутать крестьян, что они все не могут расплатиться... Приказчик лавки, как хищная птица, высле-

живает проезжающих крестьян, и раз заметил — все кончено! — воз сваливают и объявляют, что завод принял картофель, дают денег по прежней «нормальной» цене и затем объявляют, что осталось за крестьянином столько-то. «Доколе, господи?» — шепчут крестьяне. Дотоле, ответим, пока будете терпеливо сносить всякое издевательство.

В Костроме и Иванове были выпущены прокламации по поводу усиленной охраны.

Нижний - Новгород. Начальник «электрички» пустил в ход угрозы и подкуп, чтобы добиться от служащих, кто давал им «Рабочую Газету». Напрасно тревожился: между этими служащими, получающими гроши за свой труд, не нашлось ни одного, который согласился бы опозорить свое честное имя за деньги, обещанные Левестамом. За выдачу обещался гонорар в 100 руб. Этот факт показывает добровольному сыщику Левестаму, что таких преданных негодяев, как он, среди привыкших к честному труду — немного.

В Сормово накануне Николина дня нагрянули жандармы, произвели несколько обысков и ничего не нашли. Через несколько дней, 12 декабря, по поводу понижения расценки, в медно-литейном цехе было расклеено и распространено по заводу 800 прокламаций. Вслед за тем выпущено было 1.200 прокламаций по поводу введения усиленной охраны. Прокламации читались с интересом: лишь весьма малое число их попало в заводскую контору и полицию. У расклеенных на столбах прокламаций собирались прохожие; кто-нибудь читал вслух, а все прочие внимательно слушали, прерывая чтение возгласами, вроде: «батюшки, что пишут и ведь с разрешения комитета». Начался усиленный сыск, установлены непрерывные ночные и дневные дежурства целых отрядов шпионов как в заводе, так и на улицах. Обыскивали при входе в завод каждого опоздавшего к началу работ. Покуда никакого толку из всех этих стеснений для жандармерии не получается. Наконец, 17 декабря двинуты были в Сормово войска: 6 рот усиленного состава с боевыми патронами. К чему потребовалась такая необычайно энергичная мера, — понять невозможно, так как в Сормово никаких волнений, никакой стачки еще не начиналось. Пройдя разок по Сормову церемониальным маршем, войска расположились близ Варь и открыли пальбу, словно на маневрах. Через день, впрочем, они были отозваны, хотя, говорят, 100 человек долго чего-то ждали на пожарном дворе.

Вышел в свет № 2 «Летучего Рабочего Листка». Содержание: 1) усиленная «охранка», 2) хроника нижегородских арестов, 3) В. С. Арефьев и нижегородская охрана, 4) палка о двух концах, 5) как я сделался социал-демократом, 6) настроение нижегородской учащейся молодежи, 7) харьковское побоище, 8) о нижегородских ремесленниках.

Пошехонский уезд, Ярославской губ.

Пошехонский уезд славится развитым маслоделием так же, как и соседняя с ним Вологодская губ. Вдали от железных дорог «затерялось небогатое наше село»; земледелие почти совсем не кормит, приходится или искать подсобных промыслов, или уходить куда глаза глядят... Уйти при существующих деревенских отношениях не так-то легко: паспорт в наиболее захудалых деревнях достать трудно; упорно держатся правила — помирать, так всем помирать... И тихо, незаметно помирают. На этой почве нищеты и земельного утеснения (отсутствие пахотной земли) пышно расцветает наше маслоделие. Завод сам по себе очень небольшой, количество работающих на нем редко достигает десяти человек; ручной двигатель, несколько сепараторов, приемная изба — вот и весь «завод». Зато около этого маленького гнезда вытоят часто целые деревни, для которых он является единственным «поильцем-кормильцем». Прежде чем откроется такой «завод», происходит «скупка деревень», т. е. заключение с крестьянами ближайших деревень условия, по которому они обе-

щаются доставлять молоко заводу и только ему. Сначала дают задатки, хорошо платят за молоко, разрешают оставлять немного молока дома. Раз произошло «приручение» или, как говорят некоторые заводчики, «приручение» крестьян, картина меняется. Начинается браковка молока, задерживается расчет; с развитием производства (а дело это наживное) требуют доставки полного удою, иначе грозят совсем не принимать; некоторые семьи и сами начинают тянуться за большим заработком. В результате семья начинает питаться одним хлебом, да «отделанным» молоком, сипороткой; этой сипороткой кормят и детей; быстро начинает развиваться дизентерия: детская смертность повышается, и любимой песней деревни становится:

Сипорат — плоха машина,

С молока болит брюшина и т. д.

Разоренный собственно двор, и на нем три коровы, служащие часто доказательством для народников, что развитие маслоделия (особенно артельного) повышает благосостояние... Любопытно здесь отношение маслоделов к артелям. Когда-то Верещагин насаждал здесь артели, быстро распавшиеся; их место заняли деревенские артели; я уже указывал, что особенно трудно поставить дело сначала, «приучить» крестьян. Много денег зря выходит, много хлопот, неуверенность, что наладилось дело. Эту первоначальную, организационную работу для капиталистических маслоделов с успехом выполнили верещагинские артели. Маслоделы не забыли этой выгодной операции: нередко случаи, когда желающий поставить завод подбивает крестьян устроить артельное предприятие, дает даже ссуды и когда артельное начинание в силу задержки кредита начинает хиреть (а в такой будущности каждый умный кулак уверен), занимавец «спасает» артельщиков и берет их под свое отеческое попечение «со всеми кишками и потрохами», как говорят крестьяне. Таков смысл всех артельных начинаний, ту же роль сыграл и народническое ярославское земство. Самым же верным средством закабалить крестьян служат лавочки. Заводов без лавочек почти нет; расплата товарами (truck system) применяется самым широким образом. В деревне, в которой носят молоко, обыкновенно уже другой лавки нет. Цены в заводской лавке раза в 2—3 дороже обычных; зато отпускают и в долг и за счет принесенного молока. Обязательства к заводу крепко опутывают крестьянина; когда же он думает вздохнуть, поспевает правительство со своими податями, недоимками и окончательно придушивает крестьянина. Попробуйте найти выход. Что касается рабочих, то их положение так скверно, что обыкновенно идут совсем разорившиеся... Картина этой эксплуатации, совершающейся где-то в тиши и дали, могла бы вскрыть много интересного; я лишь случайно попал в эти места и потому не мог достаточно подробно вникнуть в эти отношения; прошу товарищей, стоящих ближе, поработать над собиранием этого материала.

Приказчики в Минске. В № 4 издающейся на еврейском языке газеты «Минский Рабочий» (орган «Бунда») находим следующие подробности о положении местных приказчиков:

«Неприглядна жизнь приказчика у нас в Минске. Поступив 12—13 лет в лавку, он в течение первых трех лет работает на правах „мальчика“ и получает за все это время всего-на-всего 80 рублей, подвергаясь таким мучительствам, которые ставят его на одну доску с запроданным рабом; он метет лавку, топит печи, моет посуду, бегает на побегушках, вообще исполняет роль прислуги и часто ее заменяет. По истечении трех лет он становится заправским приказчиком и начинает получать от 1 р. 50 к. до 2 руб. в неделю. Это значит, что после трех лет каторжного труда он добывается такого положения, которое его вынуждает постоянно обращаться за помощью к родственникам и родственникам и кормиться на их счет, а если он иногородный и не имеет других ресурсов к жизни, кроме своего заработка, то он обречен на голод, холод и всякие лишения. С течением времени заработок приказчика повышается и может дойти до 4 руб. в неделю. Рабочий день непомерно длинен, в среднем 15 часов. Положение

приказчиц еще хуже, плата их в среднем не больше 1 р. 50 к. в неделю. Приказчиков и приказчиц насчитывается в Минске до 1.800, из которых значительная часть ходит без работы».

С мая 1900 г. приказчики организовались в кассу борьбы и начали ряд стачек.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

АВСТРИЯ.

Бойня в Триесте. 3 февраля 200 истопников на пароходе общества Ллойда прекратили работы, требуя сокращения рабочего дня и других мелких улучшений. Стачка была вызвана новым распоряжением общества, которое удлиняло и без того длинный рабочий день истопников. Австрийское правительство тотчас же вмешалось в стачку. Преследовать стачечников законным путем оно не могло — австрийская конституция признает свободу стачек; но оно могло командировать на суда общества истопников с казенных пароходов, и оно это сделало. Таким образом, на стороне и без того сильнейших капиталистов оказалось все могущество государства, и государственная власть лишней раз заставила своих собственных рабочих играть роль предателей по отношению к своим стачкующимся братьям. Австрийская конституционная монархия в этом отношении так же «угождает» крупным капиталистам, как и самодержавие «господ Обмановых» и республиканское правительство Франции, в котором заседает якобы социалист Мильтеран.

Разумеется, услуга со стороны государственной власти ободрила надменных капиталистов, и они упорно отказывались от всяких переговоров со стачечниками. Но та же грязная услуга вызвала сильное возмущение во всех рабочих города Триеста. Несмотря на разноплеменность своего состава (немцы, итальянцы, славяне), все рабочие Триеста решили поддержать стачечников всеобщей стачкой. 8 февраля 10.000 рабочих во всех отраслях производства прекратили работу.

Всеобщая стачка вынудила общество Ллойда отказаться от своей высокомерной тактики. Оно согласилось представить свой спор с рабочими третьей стороне. Казалось бы, дело должно было направиться к мирному разрешению. Но не тут-то было.

Там, где данная группа капиталистов пасует перед организованным сопротивлением рабочих, на помощь ей прибегает организованная сила всей буржуазии, всех имущих классов. Этой организованной силой является государственная власть с ее пушками и штыками, с ее судьями, полицейскими и палачами.

Наместник Триестской провинции, граф Гесс, один из представителей той кичливой аристократии, которая не прочь пококотничать с рабочим классом из зависти к растущему могуществу денежных тузов, но в то же время, занимая выдающиеся места по управлению государством, при случае оказывается верным лакеем этих самых рыцарей капитала, — этот граф Гесс почувствовал необходимость «спасать отечество». Стачечники толпами ходили по улицам Триеста, выражая свое негодование против паровой компании, но не производя никаких нарушений порядка. Граф Гесс немедленно послал значительную военную силу, чтобы «рассеивать скопища». 14 февраля шумная толпа рабочих натолкнулась на отряд солдат. На отказ рабочих разойтись войско отвечает, ударив в штыки. Рабочие обороняются камнями, и один из них ранит командира в голову. Раздается приказ «пли», и солдаты стреляют. На месте убито 5 человек; масса раненых. В то же время в другом конце города солдаты убивают еще двоих. Из многочисленных раненых за ночь умирают четверо. Всех этих жертв оказалось мало «охранителям порядка».

Убийство безоружных рабочих возмутило все население города. В знак своей печали, оно убрало дома черными флагами. Неудовлетворенные вчерашними убийствами, власти еще «задирают» рабочих, отдав приказ

сорвать эти флаги. По этому поводу, конечно, произошли новые столкновения солдат с рабочими, снова усовершенствованные ружья стреляли в толпу, снова четверо пало убитыми. Из общей массы убитых — один мальчик, одна девочка и несколько женщин. На стороне «победителей» — ранено несколько солдат и уже после третьей бойни на улице убит выстрелом полицейский. Незвестный убийца скрылся. Этого убийства было достаточно, чтобы правительство ввело осадное, а затем и военное положение, отменяя, таким образом, на время все права, которые даны австрийским гражданам конституцией, и угрожая «преступникам» смертной казнью. Бессмысленная и ненужная бойня возмутила даже местную буржуазную публику. Городская дума города Триеста постановила похоронить всех убитых на счет города и обеспечить осиротевшие семьи. К этому времени третейский суд, разобравший спор рабочих с пароходной компанией, вынес приговор, признавший требования стачечников справедливыми. Компания должна была подчиниться приговору и уступить рабочим. Очевидно, и всеобщей стачки и кровавых столкновений с войсками можно было бы избежать, если бы компания с самого начала приняла предложение о третейском суде.

Стачка прекратилась, а правительство стало готовиться к другой битве — к ответу социалистическим депутатам в парламенте. Пользуясь провозглашенным в Триесте осадным положением, стали арестовывать разных «зачинщиков» и под шумок пускали в газеты слухи о том, что все, что случилось, — дело рук анархистов. Едва ли кто-нибудь верит всерьез этой побасенке и считает поведение триестских властей законным, но, тем не менее, буржуазное лицемерие радостно схватилось за этот повод, чтобы уклониться от обязанности наказать действительных «зачинщиков» — графа Гесса и его помощников.

В заседаниях парламента социалистические депутаты резко нападали на гнусное поведение властей и требовали от правительства отчета в пролитой им крови. Они требовали отмены военного положения и смещения графа Гесса. После объяснений министра Кербера, свалившего всю вину на анархистов, буржуазные партии поспешили похоронить дело в комиссии, отвергнув требование социалистов.

Этого и надо было ожидать. Имущие классы в сколько-нибудь свободных странах только и могут надеяться проявить свое господство, поскольку им обеспечена помощь государственной власти против растущего рабочего движения. Поэтому буржуазные партии не могут решиться на такой шаг (как бы они сами ни признавали его справедливым), который может подорвать уважение к государственной власти в темных народных массах; они вынуждены освящать всякое преступление солдатчины и полиции, лишь бы не сыграть в руку социализму. Классовый интерес всегда торжествует над чувством справедливости.

«Но какая же польза для австрийских рабочих от конституции, от политической свободы, если такая бойня, как триестская, не только возможна, но и должна остаться безнаказанной?» спросит, быть может, читатель.

Политическая свобода, отвечаем мы, не уничтожает классового характера современного государства, но она дает пролетариату возможность разоблачать этот классовый характер. Она не позволяет затушить самый разговор о происшедшей бойне какими-нибудь «временными правилами» и тем самым ослабить влияние происшедших событий на развитие сознания пролетариата. Благодаря политической свободе, расправа, произведенная над рабочими в Триесте, не только не внесет в их ряды уныние и разочарование, но непременно послужит могучим толчком развитию классового самосознания всего австрийского пролетариата. Политическая агитация, свободно ведущаяся в собраниях, в печати и в парламенте, воспользуется этим проявлением классового гнета, чтобы закрепить в рабочих массах сознание необходимости устранения всякого классового господства.

При разделении общества на классы, всякие мечты о «мирном прогрессе» являются «бессмысленными мечтаниями». Политическая свобода никогда не в состоянии оградить рабочий класс от жестокости современного строя и его представителей. Но политическая свобода может

помочь тому, чтобы «ни одна капля человеческой крови не пропала даром», чтобы происшествия, подобные триестским, не прошли бесследно для дела развития пролетариата.

Австрийские рабочие давно уже отказались от анархистских предрассудков относительно политической свободы и деятельно ведут борьбу за завоевание всеобщего, равного и прямого избирательного права.

ИЗ ПАРТИИ

Приводим полностью прокламацию, зовущую к демонстрации 19 февраля и изданную (печатно) нашей организацией:

Товарищи-рабочие!

Снова широкой волной разливается по Русской земле движение протеста против царского правительства; снова тысячи и десятки тысяч рабочих, студентов, городского простонародья, наконец, просто образованного и зажиточного общества идут на улицу, не боясь ни казацких нагаек, ни полицейских шашек и дубин, ни даже солдатских пуль и штыков, чтобы заявить во всеуслышание о своей глубокой вражде ко всему существующему строю, о своей непримиримой ненависти к царству произвола, кнута и нагайки. Нет больше сил таить про себя эту горячую ненависть, эту накипевшую вражду. Десятки лет она тихо разгоралась в нас, наполняя наши сердца тайным огнем, и наконец вылилась широким огненным потоком, ярко осветившим темное царство произвола и насилия. И широкие народные массы впервые почувствовали себя свободными людьми, открыто заявляющими свою волю, свои желания. Но это — свобода лишь на минуту: стоны и муки избиваемых, окровавленных лица, дикий топот копыт над нашими телами слишком скоро напоминают нам о торжестве насилия над правдой. Не смириться ли нам перед этим торжествующим насилием? Проклятие и вечное презрение тому, кто не найдет в своем заячем сердце другого ответа! Смириться, перед кем же? Перед правительством, которое на все народные нужды, на все стоны миллионов голодающих имеет только один ответ: кнут да тюремные застенки! В годину кризиса, в годину промышленного застоя, когда сотни тысяч промышленных рабочих безжалостно выброшены на улицу без куска хлеба, без приюта и пристанища, оно заботится только об одном: чтобы удалит с глаз этот опасный для него элемент, запрятать его подальше в глушь деревень. Что ему до того, что в обнищавшей деревне высланный рабочий найдет еще худшие страдания, еще горший голод? Зато оно будет спокойнее за себя, за свое собственное господство; зато будет спокоен за свою собственность господин капитал, этот друг и опора самодержавия. Оно нашло десятки миллионов для поддержки зарвавшихся капиталистов, для спасения проигравшихся биржевиков; не нашло лишь ни копейки для того, чтобы помочь промышленным рабочим пережить тяжелое время. В год народного голода, когда по сведениям самого правительства из 79 губ. и областей России в шестидесяти крестьяне переживают тяжелое испытание, когда они принуждены сбывать за бесценок «самый необходимый в хозяйстве скот», «чуть ли не последнюю лошадь», а в 29 губ. прямо голодают и мрут, оно объявило борьбу не с голодом, а с голодающими. Оно вырвало дело народного продовольствия из рук земства, которое делало с своей стороны все, что могло, для уменьшения нужды, и теперь занято лишь одним — чтобы уменьшить до крайности ссуду голодающим и не допустить до голодных ртов кусок хлеба, который ему хотят подать люди, сочувствующие народной нужде. Оно боится, что среди людей, готовых отдать свои силы делу помощи голодающим, найдутся такие, которые пожелают открыть глаза крестьянину на истинные причины его страданий, указать ему, кто его истинный враг, и поэтому допускает помощь голодающим только через полковников и генералов своего Красного Креста. Удивительно ли, что Красный Крест, к которому никто не питает доверия, мог

собрать на помощь голодающим 29 губ. лишь 317 тыс. руб., т. е. по копейке на голодную душу? ... На все, на все у него один ответ: насилие. «Тащить и не пущать» — вот его девиз. Оно подвергает жестоким гонениям десятки миллионов русских крестьян-сектантов за то только, что по-своему понимают они простые слова евангельских истин, что они ищут своей правды и признают за ложь то, что выдают за правду продажные православные попы; за то, что не хотят они видеть в этих попах представителей Христа на земле и за ними слепо следовать. Оно гонит и травит десятки миллионов русских граждан других вер и национальностей — поляков, финляндцев, евреев, грузин и т. д. и лишает их даже тех жалких прав, которыми пользуется всякий русский раб-верноподданный, права говорить и учиться на своем родном языке, даже права жить там, где можно найти заработок, даже права работать в казенных мастерских и заводах. Нужно ли еще перечислять все преступления и зверства русского правительства? Нужно ли говорить о годах тюремного заключения, о ссылке в далекую Сибирь всех, кто осмеливается заговорить о народной нужде, кто пытается пробудить в народе сознание его поправных прав? Нужно ли говорить о подавлении военной силой всякой стачки рабочих, всякой попытки помочь себе и своим товарищам своими собственными усилиями? Все это слишком хорошо нам знакомо; вспомним хотя бы о дикой расправе правительства с рабочими Обуховского завода, о десятках раненых, о трупах наших борцов, усеявших поле битвы с царскими баши-бузуками, о десятках мучеников, отправленных на каторгу после пустой комедии суда.

Товарищи! Этот гнет давит не только нас, но всю Россию. И вот все, в ком есть еще искра живая, в ком века рабства не могли совсем заглушить голоса свободы, вступают в открытую борьбу с правительством. После жестокого избития демонстрантов в Петербурге и других городах в марте-апреле 1901 г., казалось, все должно было заглохнуть. Но не прошло и года, как движение проявилось с новой силой. В Харькове правительство целую неделю (27 ноября — 3 декабря) не могло справиться с многотысячной толпой рабочих, студентов и просто городского люда, не могло помешать ей двигаться по улицам с красными знаменами, с пенизм революционных песен, с криками: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!». Происходят небольшие демонстрации в Кишиневе, в Москве, в Ниж.-Новгороде, в Риге. Правительство заволановало: в лице екатеринославского губернатора фон-Келлера оно объявило, что не остановится перед самыми крайними мерами для предотвращения демонстрации, которая готовилась 16 декабря. В этих словах была угроза стрелять по демонстрантам; но и это не помогло, и улицы Екатеринослава впервые увидели открытых борцов за политическую свободу, впервые огласились революционными криками. Несмотря на поражения, которые наносит правительство народу, истинным победителем из уличной борьбы выходит не оно, а народ. И правительство хорошо сознает это, сознает, что не задает ему уже народных требований в потоках крови. Там, где народ вырос, где он сознал свои права, одной силы кулака уже мало. И оно пробует взять хитростью. Убедившись, что студенты стойко стоят за свои требования — свободы учения в университете и свободы внутренней университетской жизни, — что солдатчина и нагайки не только не усмирили их, а только подвинули их к революционной борьбе, правительство с неслыханной для него быстротой принимается за «реформы». Оно обещает ввести новый устав в университеты; оно разрешает студентам союзы, сходки, кружки, библиотеки и пр., но под тем условием, чтобы на всех этих собраниях и во всех студенческих союзах участвовал в качестве председателя его чиновник; вопросы на них могут подниматься только те, которые одобрены этим чиновником, и он может во всякую минуту распустить сходку или союз. Ясно, что от такой «свободы» студенты не только ничего не выиграют, но еще теряют ту свободу сходок и союзов, которую они завоевали уже своей смелостью: ведь студенты и раньше устраивали сходки и союзы, не спрашиваясь правительства. Конечно, такая «свобода» не прельстит студентов; они уже поняли теперь, что настоящая академическая свобода не-

раздельна с свободой всего народа, с политической свободой, и потому их борьба, их дело стало и нашим делом.

Товарищи-рабочие! Раз'ясните это всем и каждому и будьте готовы во всякую минуту поддержать студентов в их борьбе за свободу!

Ту же хитрость правительство пустило и по отношению к нам, рабочим. Убедившись в бессилии кнута подавить рабочее движение, пустившее уже глубокие корни в стране, оно решило поманить нас сладкими речами. В Москве, в Минске, Перми и др. городах оно разрешает рабочие собрания. На них оно старается всеми силами убедить нас, что оно — наш друг, что оно все для нас делает, лишь бы мы отказались от требования политической свободы. Но позволяет ли оно говорить на этих собраниях о борьбе с капиталом, об устройстве стачечных касс, этих важных орудий в руках рабочих для завоевания лучшей доли? О, конечно, нет: ведь это — политика! Позволяет ли оно устраивать кружки самообразования, рабочие клубы? О да, идите в чайные общества трезвости, там вы в обществе оборванцев, чуждых сознания своего человеческого достоинства, найдете — полные лжи и грязи газеты «Свет», «Московские Ведомости», «Новое Время» да в приправу — грубое обращение заведующих. Зато вы можете свободно устраивать потребительные лавочки, копилки да... хоры для пения: «Коль славен наш господь в Сионе», и еще... что же еще? — да больше ничего! Товарищи! Вот за какие блага разные изменники рабочего дела вроде Афанасьева, Красицкого и др. предлагают вам отказаться от борьбы за социализм и политическую свободу! Нет, эти Афанасьевы — не наши братья; они — наши худшие враги, ибо помогают правительству дурачить рабочих, водить их за нос; им место — в охранном отделении, с которым они уже близко знакомы, или в рядах мелких хозяйчиков. Мы найдем себе других вождей, которых не испугает кнут и не прельстит зубатовский пряник. Товарищи! Нам предстоит еще длинный путь борьбы; не раз еще правительство будет переходить от строгости к сладким речам; оно будет сильнее стегать нас кнутом, а когда это не поможет, оно будет прельщать нас все новыми и новыми пряниками. Запомним же урок, который оно дало нам сейчас; поклянемся что ни за какие блага в мире мы не продадим нашего права первородства в разыгравшейся борьбе за политическое освобождение России. Организуйтесь, товарищи, будьте готовы во всякую минуту поддержать всех борцов за политическую свободу! Но не забывайте, что нам по праву принадлежит первое место в этой борьбе.

Готовьтесь же к общей по всей России демонстрации в день 19 февраля.

Долой самодержавие!

Да здравствует политическая свобода! Да здравствует демократическая конституция!

Местная организация «Искры».

Спб. Комитет издал брошюру «Процесс обуховских рабочих». В брошюре не мало интересных данных о ходе процесса. Вот что, между прочим, говорится об обвиняемых:

«По рассказам очевидцев, рабочие поражали своим спокойствием, бодростью и выдержкой... Глубокое, потрясающее впечатление производила Марфа Яковлева, с своим мыслящим сильным лбом и сосредоточенным, горящим взглядом. Это та героическая натура, тот фанатический, мощный тип революционерки, который так знаком России. Ее интеллигентная речь удивляла и волновала. Не верилось, чтобы в нечеловеческой обстановке, в которой приходится жить русскому рабочему, люди успевали, вопреки всем препятствиям, достигать такого развития... Марфа Яковлева единственная, которая признала себя виновной. Она заявила, и на предварительном следствии и перед судом, что после залпов, сделанных полицией в упор по толпе рабочих, она подавала рабочим камни, которыми они из-за заборов сыпали на нападающих из дома картонной фабрики».

К этому рассказу автор брошюры прибавляет следующую «философию».

«Яковлева повиновалась своей прямолинейной, честной натуре. Ее сознание — такое душевное движение, которое легко понять и можно только уважать. Но нет никакого сомнения, что сознание в своем поступке в рабочих процессах неправильная тактика. Весь этот виц-мундирный судебный сброд не стоит искренности таких людей, как Марфа Яковлева... Единственным моральным принципом здесь должны быть интересы общего дела. В неравной борьбе защиты обвиняемых с судом должны быть употреблены все средства, чтобы соблазны как можно больше людей и вернуть рабочему классу наиболее значительных его членов». «Рабочий процесс — схватка, и стратегия его та же, что и всего великого боя: делать то, что целесообразно и практично, и не поддаваться обманчивому чувству».

Все это звучит чрезвычайно трезвенно, но вовсе не умно. Не представляется ли вам, читатель, что мы снова присутствуем при том прискорбном зрелище, когда интеллигент из всех сил старается задержать революционное развитие того самого пролетариата, в дружбе к которому он распинаяется? Нам представляется, что именно так обстоит здесь дело, и что тактика Марфы Яковлевой была бесконечно выше, шире, революционнее и целесообразнее той тактики, во имя которой наш автор так снисходительно журит смелую девушку.

Прежде всего, что это за особая тактика для «рабочих процессов»? Речь должна идти о поведении социалиста вообще в политическом процессе или в таком процессе, который принял политическое значение. Попробуем же применить точку зрения нашего автора к таким процессам в прошлом, и мы найдем, что в поведении Желябова и Перовской, а в недавнее время П. Карповича и Езюровского (дело об убийстве шпиона в варшавском военном суде 1900 г.) проявилась неправильная тактика, что их признание перед судом было только прекрасным «душевным движением», которое следует «понять и уважать», но не мешает осудить, как нецелесообразное. А мы-го до сих пор думали, что поведение Желябова или Перовской на суде является логическим продолжением их политической деятельности на воле, является последним служением делу. Поведение социалиста на суде может служить новой демонстрацией, и поистине «куцой» приходится признать ту точку зрения, которая игнорирует какое значение тактики, принятой М. Яковлевой. Да и как не замечает сам автор, что одно сообщение в его брошюре о героическом поведении М. Яковлевой будет иметь большое агитационное значение, и это несмотря на то, что это сообщение одобрено вышеприведенными образцами мешанской «практичности». Нельзя требовать от всех жертв царского «правосудия», чтобы они обращали скамью подсудимых в поле для новой идейной битвы с врагом. Но если среди этих жертв находится личность, способная на такую роль, то требовать от нее, чтобы она поступала «как все», более, чем странно. Та самая тактика, которая в тайном жандармском следствии была бы простым донкихотством, в условиях какого бы то ни было судебного процесса может приобрести крупное политическое значение.

Другими словами: 18-летняя Марфа Яковлева своим поведением на суде оказала рабочему движению большую услугу, а наш «интеллигент», усмотревший в этом поведении только красивое «душевное движение», проявил изрядную близорукость, которая только компрометирует нас, социал-демократов, в глазах посторонних.

Считаем нужным отметить, что Спб. Комитет в особом примечании оставляет за собой право высказаться впоследствии по поднятому автором вопросу, отказываясь, тем самым, от солидарности со странными взглядами автора брошюры.

Л. Г. Дейч просит нас передать его благодарность всем тем, кто послал ему приветствия по поводу удачного побега.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

«Клэру». Дайте поскорее еще один адрес. Кажется, не все письма получаете. Ваши получены. Большое спасибо.

«Л. Л.». Дайте новый адрес.

Представителями «Искры» получено: от Харьк. Ком. 45 р., в Харькове чер. АВС от читателей и за литературу 71 р., через Наталку за ноябрь-январь 200 руб. от путешественника, через 3-го от П. С. 48 р., от 3-го и 6-го 57 р., от архаровца 10 р. и 30 р.; от Елены получено Наташей 25 р., от инженера через Наташу 140 р., в Спб. от своих 105 р., от подписчиков 30 р., издадека 150 р. (от В. И. 50 р., от Б. из Н. 25 р., от Я. М. 25 р., из Н. чер. Г. 33 р., от Ф. 10 р., от А. П. 5 р., от С. 2 р.), к Москве 9 р. от Е. Я., 15 р. от Л. В. и 25 р. из кассы «издадека»; от П. С. из Б. 50 р. «В кассу группы друзей-читателей в пользу „Искры“ поступило с весны прошлого года по февраль 1902 г. 195 руб., в том числе 50 р., пожертвованные Шамяно».

«Получено из М. и употреблено по назначению 855 фр.».

От М. У. 200 марок. Из М.—а за лит. 11,75 мар.

От Вяч. 50 р. на спец. цель. Через Г. В. Плеханова от Х 500 руб. на специальную цель.

Из Брюсселя 27 фр.; из Дармштадта: в пользу обуховцев 16 мар., в пользу Лиги 91,05 мар.

В Кассу редакции поступило за февраль 824 руб., остальное истрачено на местные и организационные нужды.

В тип. «Лиги революционной русской социал-демократии» вышло: 1) А. Б. Обуховская оборона. 2) Очерки из истории французской революции: а) Взятие Бастилии; б) Национальное собрание и ночь 4 августа. 3) Лассаль. Программа работников (2 изд.). 4) Письмо к товарищам-пропагандистам, с пред. Л. Мартова.

В тип. «Искры»: Из тифлисского рабочего движения (рассказ рабочего), с предисловием Л. М.

По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штуттгарте:

Verl J. H. W. DIETZ Nachfolger, STUTTGART

для редакции «Зари».

Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все, получаемое ею для «Искры».

Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца; указание же о передаче (для ред. «Зари») должно делаться на внутреннем конверте.

Типография «Искры».

П Р И М Е Ч А Н И Я.

Прим. 1. См. «Искра» № 16, стр. 5 «Из нашей общественной жизни».

Прим. 2. Давид, Эдуард — правый германский с.-д., один из виднейших теоретиков реформизма и ревизионизма. В 1903 г. он выпустил в свет свою книгу «Социализм и сельское хозяйство», в которой доказывает превосходство мелких земельных хозяйств «трудового крестьянина» над крупными в отношении выгодности, рациональности и производительности и воспекает сельско-хозяйственную кооперацию в условиях капитализма, ожидая от нее всех благ для крестьян и не замечая буржуазного характера этой кооперации. В последующие годы Давид является одним из наиболее видных сотрудников ревизионистского журнала «Социалистический Ежемесячник», проповедуя политические блоки с буржуазией и сотрудничество классов и доказывая, что германская социал-демократия должна быть не пролетарской, а народной. Во время мировой войны Д. является одним из наиболее ярых социал-патриотов и сторонником войны до победного конца. В 1915 г. он написал книгу «Социал-демократия во время войны», в которой проводит ярко шовинистическую точку зрения. После германской революции Давид занимает ряд крупных административных постов и ведет борьбу с коммунизмом.

Прим. 3. Герц — германский социал-демократ правого крыла, экономист, один из критиков Маркса в аграрном вопросе, доказывавший в своей книге «Аграрные вопросы с точки зрения социализма» живучесть мелкого землевладения в современном капиталистическом обществе.

Прим. 4. Чернов, В. М. (род. в 1876 г.) — народник, ученик Михайловского, впоследствии вождь партии соц.-рев. и виднейший ее литератор, «поправлявший» Маркса в аграрном вопросе. В 1893 г. вступил в «Социал-Революционную Партию Народное Право», основанную в начале 90-х годов М. Натансоном вместе с некоторыми другими народниками с целью «объединения революционных и либеральных элементов на почве борьбы с деспотизмом» и бывшую одним из промежуточных звеньев между «Народной Волей» и партией с.-р. В 1899 г. Чернов эмигрировал за границу, где встал сначала во главе «Союза», а потом партии с.-р-ов и с тех пор был бессменным членом Ц. К. этой партии и редактором ее центрального органа «Революционная Россия», на страницах которого Чернов вел ожесточенную полемику с «Искрой». После революции 1905 г. он руководил деятельностью партии с.-р. в Государственной Думе. Во время войны участвовал в Циммервальдской Конференции, заняв колеблющуюся позицию между последовательными интернационалистами с Лениным во главе и оборончеством. Вернувшись после Февральской революции, он стал ярым сторонником «революционного оборончества», вошел 6 мая 1917 г. в коалиционное правительство кн. Львова и вел ожесточенную борьбу против большевиков и революционных выступлений рабочих и крестьян, задерживая разрешение крестьянами земельного вопроса. После Октябрьской революции он стал одним из самых злостных врагов Советской власти. 5 января 1918 г. он был избран председателем контр-революционного Учредительного Собрания, распущенного по постановлению В. Ц. И. К. После этого он, руководя правыми эс-эрами, был вдохновителем многочисленных контр-революционных выступлений их против Советской власти, принимал участие в чехо-словацкой аванюре, толкал членов партии эс-эров к террористическим актам против деятелей Советской власти, поддерживал кулацкие восстания, содействовал контр-революционному восстанию в Кронштадте и пр. В настоящее время находится в рядах белогвардейской эмиграции, продолжая вести борьбу с Советской властью и коммунистами. В своих произведениях («Марксизм и аграрный вопрос», «К вопросу о капитализме и крестьянстве», «Маркс и Энгельс о крестьянстве», «К теории классовой борьбы», «К вопросу о социализации земли», «Крестьянин и рабочий как экономические категории» и др.) Ч. проводит эклектические взгляды соц.-рев. на аграрный вопрос и классовые отношения в современном капиталистическом обществе и критикует марксизм, опираясь на произведения реформистов и ревизионистов, вроде Герца, Давида и др.

Прим. 5. Булгаков, С. — один из так назыв. «легальных» марксистов. Участвуя в журнале «Новое Слово», перешедшем к марксистам в 1897 г., он вместе со Струве и Бердяевым начал критику философии Карла Маркса, стремясь дополнить ее идеалистической философией. Наряду с этим он критиковал марксистскую теорию и в аграрном вопросе в своем труде «Капитализм и сельское хозяйство». Впоследствии он всецело перешел в лагерь идеалистов, дойдя после 1905 г. до проповеди мистицизма. В настоящее время он обретается в лагере злейших врагов Советской власти.

Прим. 6. Прокопович, С. Н. — экономист. В конце 90-х годов — один из виднейших представителей «экономизма», перешедший в начале девятисотых годов к либералам и вступивший сначала в «Союз Освобождения», а потом в ряды партии к.-д., с которой он вскоре разошелся. Во время Февральской революции он был одним из министров в правительстве Керенского. В настоящее время находится в белогвардейской эмиграции.

Прим. 7. Тотомианц, В. — экономист, автор ряда трудов [по кооперации, в которых проводил взгляды мелкой буржуазии].

Прим. 8. См. прим. 7-е к № 14 «Искры».

Прим. 9. Карышев, Н. — экономист народнического толка, автор ряда трудов в области исследования экономических отношений в области мелкого сельского хозяйства. Написал несколько популярных брошюр по экономическим вопросам, пользовавшихся в начале девятисотых годов большим распространением.

Прим. 10. Бастиа, Фридерик (1801 — 1850) — один из плоских вульгаризаторов буржуазной классической политической экономии. Б. исповедывал учение о невмешательстве государства в экономические отношения на том основании, что конкуренция создает основу для гармонии между классами, участвующими в общественном производстве, доказывая, что капитал имеет способность к самовозрастанию и созданию прибыли, независимо от приложения рабочей силы к средствам производства.

Прим. 11. См. прим. 2-е к № 9 «Искры».